

В. Романцев В. Точинов
ПСЫ ГОСПОДА

Издана Санкт-Петербурге

Вячеслав Романцев
Виктор Павлович Точинов
Псы Господа
Серия «Новая инквизиция», книга 3

авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158358

Аннотация

Много столетий идет невидимая миру война...

Их руки по локоть в крови. Их методы кажутся бесчеловечными – потому что противники НЕ ЛЮДИ. Они не ведают страха, сомнений и жалости – солдаты Инквизиции, Псы Господа.

Саша Светлов – самый обычный парень – неожиданно для себя оказывается в рядах этой жутковатой организации. И столь же неожиданно обнаруживает новый вид нелюди. Симпатичной, даже красивой нелюди – но не менее опасной от этого.

Содержание

Пролог	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
Глава 1. ПУТЬ ПРОФЕССИОНАЛА – I	8
1.	8
2.	11
3.	13
4.	15
5.	17
Глава 2. ПУТЬ ДИЛЕТАНТА – I	20
1.	20
2.	24
3.	29
4.	34
5.	38
Глава 3. ПУТЬ ПРОФЕССИОНАЛА-II	39
1.	39
2.	43
3.	44
4.	45
5.	48
Дела минувших дней – I	52
Глава 4. ПУТЬ ДИЛЕТАНТА – II	68
1.	68

2.	71
3.	72
4.	73
5.	74
6.	81
7.	86
Глава 5. ПУТЬ ПРОФЕССИОНАЛА – III	90
1.	90
2.	91
3.	93
4.	96
5.	103
Глава 6. ПУТЬ ДИЛЕТАНТА – III	106
1.	106
2.	108
3.	109
4.	119
Дела минувших дней – II	132
Глава 7. ПУТЬ МЕСТИ – I	139
1.	139
2.	140
3.	145
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Виктор Точинов.
Владислав Романцев
ПСЫ ГОСПОДА
(Новая Инквизиция-3)

Пролог

...Тени, длинные и рваные, путаются под ногами. Ладони скользят по шершавым стволам деревьев. Быстрее, быстрее, пока есть силы, пока есть решимость, пока есть смелость.

Трава оплетает ноги. Сырая, холодная. Холод и вода – она должна привыкнуть к ним. Выбор сделан, уже давно. Сегодня – последний шаг. Выбор сделан много месяцев назад. С того мига как она поняла, что она – никто. Пыль, мусор под ногами. А это не так. Она докажет, что это – не так.

Деревья расступаются, она выбегает на поляну. Застывает на миг, всего лишь на миг, стараясь запомнить всё. Шорох листвы за спиной. Теплый летний воздух, целующий кожу. Гладь воды, мерцающую в неровном лунном свете. Тревожную темноту гранитных скал.

Скалы торчат из воды, словно редкие темные зубы в щербатом рту.

Она скидывает одежду, распускает волосы. Не слишком густые, не слишком чистые. Откуда взяться чистоте после такой долгой дороги? Это неважно. Неважно... Сейчас всё закончится. Всё будет хорошо.

Ноги касаются воды. Легкая волна натекает на берег. Прохладная, пахнувшая сыростью. Каменное крошево колет босые ноги.

Шаг, еще. Туда, где скалы, где глубоко. Вода всё сделает сама. Главное забраться так, чтобы нельзя было вернуться.

Если повезет, она утонет быстро – рефлекторно остановится сердце от переохладения. Если нет – она будет долго биться, глотая воду, пока тело не станет тяжелее воды.

Руки скользят по мокрому камню, обдираются в кровь об острые сколы – нестрашно, зато можно прыгнуть дальше, где глубина, где нет дна, где холодная вода не даст шанса выплыть.

К тому же она почти не умеет плавать.

Девушка наклоняется над водой, рассматривая свое отражение. Темное, почти неразличимое. Крупный нос, губ совсем не видно, так же как не видно нездоровой ноздреватой кожи. Ничего. Все изменится. Все будет по-другому.

Лживое зеркало воды разбивается на тысячу осколков.

Она прыгнула. Она смогла это сделать.

Холод – да, именно о таком она мечтала – принимает её как лучшего друга; холод и темнота. Не выплыть, даже если захочешь. Теперь самое главное – вдохнуть воду – и всё.

Очень просто. Почему она не может открыть рот? Почему глупое сознание сражается за последнюю каплю кислорода в легких?

Это инстинкт, инстинкт. Девушка запрокидывает голову. Тонкая пленка воды и огромное светлое пятно за ней. Луна.

Ледяные иглы пронзают кожу, руки бьются в надежде поднять тело вверх, но холод и тьма тянут в глубину, сводя ноги в беспощадной судороге. Крик раздирает рот, заставляя глотать плотную воду. Пока только глотать...

Кислорода не остается: нет сил и нет спасения. Это хорошо, она хотела этого. Почему ее тело пытается выбраться наверх? Зачем?

Холод сдавливает сердце, оно начинает биться неровными толчками. Вдох, последний. Смертельный. Ледяная боль взрывает легкие, они еще сокращаются, не понимая, что дышать им уже не придется, потому что водой нельзя дышать. Темные щупальца ужаса заволакивают угасающее сознание, но губы девушки изгибаются в улыбке.

А пока есть улыбка – всегда остается надежда.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ МРАК ГЛУБИН

Что льва злее в четвероногих, и что змеи лютее в ползущих по земле? Всего того злее зла жена. Несть на земле лютее женской злобы...

О злое, острое оружие дьявола и стрела, летящая с ядом!

Моление Даниила Заточника, XII век

Глава 1. ПУТЬ ПРОФЕССИОНАЛА – I Лесник, Ленинградская область, город Сланцы, 20 июня 1999 года

1.

Лес тут стоял мертвый. Безгласный. Не перекликались в ветвях птицы, не жужжали насекомые. Даже комары, обязанные тучами виться в таком сыром местечке – не вились.

Деревья тоже казались умершими – хотя листья слабо зеленели сквозь густо припорошившую их белесую сланцевую

пыль. И лишь ряска в многочисленных бочажинках росла пышная, яркая, ядовито-зеленая...

Небольшой водоем – не то пруд, не то карьерчик – Леснику сразу не понравился. Серо-зеленая, какая-то на вид липкая вода, ряска в еще ббльших количествах, зловонные пузыри, постоянно протискивающиеся к поверхности...

Лесник вполне понимал Славу Ройтмана, здешнего резидента. И в самом деле, глядя на отравленный, но живущий своей *неправильной* жизнью водоем, недолго подумать, что в глубине завелось нечто мерзкое и хищное. Особенно если на берегу обнаружены два растерзанных изуродованных трупа. Изуродованных явно клыками.

Хотя логики в таком предположении мало. Любая тварь должна чем-то питаться. Но здесь рыбаков и купальщиков не дождешься, да и звери едва ли рискнут идти на водопой к зловонной луже. Обходят звери этот загаженный лес...

И все же он не расслаблялся... Костоправ возился со следами – заливал гипсом, дожидался, пока застынут отливки. Лесник внимательно *держал* и лес, и водоем – готовый немедленно встретить пулями любую поганую неожиданность. Мало ли... Приходилось сталкиваться с существами, никакой логикой не объяснимыми.

Обошлось. Работу Костоправ закончил без помех, тщательно упаковал трофеи. Подошел к Леснику, ответил на вопросительный взгляд:

– Похоже, пустышка. И зубками поработали собаки, и сле-

ды оставили они же... Всякое, конечно, случается – но с вероятностью девяносто девять процентов ставлю на бродячих псов.

По лицу Славы трудно было понять – рад парень или нет, что его тревожный сигнал не подтверждается. Одно дело – мечтать о том, как выберешься из этой дыры, приняв участие в прогремевшей на всю Контору операции. И совсем другое – напряженное ожидание атаки неведомого существа в здешнем отвратительном лесу...

Лесник вздохнул. Девяносто девять процентов – хорошо. Но и последний оставшийся процент придется отработать.

Отработали. Подводные взрывы всколыхнули поверхность водоемчика, зловонные пузыри пошли со дна сплошным потоком. Одна граната угодила на мелководе – вода, ошметки ила и ряски взлетели к небу фонтаном.

И всё.

Никто не всплыл, оглушенный. Никто не проявил себя иным способом.

– Может, не стоит? – понуро спросил Костоправ, разматывая нейлоновый шнур, прикрепленный к якорьку-«кошке». – Ясно же, никакого лох-несского чудища не зацепим, только воню надышимся...

Лесник не ответил. Стараясь дышать ртом, забросил свою «кошку» на середину водоема.

Зацепил он на третьем забросе. Не лох-несского монстра, понятно, – но что-то тяжело натянуло шнур...

На улов смотреть не хотелось. Но пришлось. Труп. Вернее, часть трупа – верхняя половина торса, ни головы, ни конечностей. Разложившейся плоти на грудной клетке осталось немного, сквозь ребра было видно, как внутри мерзко шевелится нечто мелкое и живое.

Слава, позеленев лицом, издавал придушенные звуки – с трудом сдерживаясь, чтобы не облегчить желудок.

– Не мучайся, – посоветовал Костоправ. – Блевани, сразу и полегчает.

Чтобы доставить к машине все извлеченные со дна кошмарные находки, пришлось сделать три рейса. И наверняка многое зацепить кошками не удалось, придется вызывать аквалангиста. Вот уж кому не позавидуешь...

Обратно ехали в тягостном молчании. Дорогу обступал лес, такой же уныло-белесый, над ним высились издалека видимые терриконы сланцевых шахт. Гнусное все же местечко, и находки вполне ему под стать...

2.

– Не наш клиент, – сказал Костоправ уверенно. – Никаких следов ритуального расчленения или людоедства... Рубили на куски абы как, для удобства перевозки, только и всего. А с двумя последними телами накладка вышла – спугнул кто-то, не иначе. Остались на берегу, на радость бродячим собакам. Можно закрывать дело.

– Рано, – отверг предложение Лесник. – Много неясностей... Во-первых, все, кого удалось идентифицировать – женщины, причем молодые. Следов изнасилования нет... Почему? Во-вторых, я порылся в ментовском списке пропавших. Кое-кого можно предположительно признать за *наших*, но столько молодых женщин в Сланцах просто не пропадало в последнее время... Везли издалека. Зачем такой риск? Вспомни, как мы катили сюда из Питера по Таллиннскому шоссе. Сплошные посты ДПС.

– Могли привозить из Псковской области, по Гдовскому шоссе, – предположил Ройтман.

– Могли... А смысл? В Псковской области своих глухих местечек хватает.

– По-моему, ты всерьез решил взяться за чужую работу, – вынес вердикт Костоправ. – Загадки твои пусть менты разгадывают. Не такие уж сложные, кстати. Почему не изнасилованы – так маньяков-импотентов хватает. И кто тебе сказал, что сюда везли трупы? Приезжали живые девицы, на месте всё и происходило.

Лесник помолчал... Коллега прав, расследования таких дел в компетенцию Конторы не входят. Но сколько будет искать милиция любителя расчленять женщин? Чикатило много лет практиковал свои садистские забавы. Даже, помнится, кого-то менты тогда поймали, выбили нужные показания и расстреляли за чужие художества...

Он сказал официальным тоном:

– Приказываю как руководитель операции: продолжаем работу.

Слава явно обрадовался. Мало приятно жить в одном городке с маньяком-расчленителем. Костоправ тяжело вздохнул и сделал последнюю вялую попытку отмазаться от чужой работы:

– А начальство что скажет?

– Не впервой, отпишемся... – пожал плечами Лесник.

3.

Версия о маньяке-одиночке отпала первой. Тщательная экспертиза останков подтвердила – судя по разным степеням разложения, новые жертвы появлялись в подводном захоронении часто. С периодичностью примерно раз в неделю... Поток. Конвейер. Не бывает на свете маньяков, убивающих с такой производительностью и регулярностью.

Попытка приблизиться к убийце (убийцам?), разобравшись с личностями жертв, тоже поначалу не принесла успеха.

Сланцы – городок маленький, на свет возникший благодаря месторождению одноименного минерала. Все вновь прибывшие как на ладони – но никакой полезной информации раздобыть не удалось. Ни у кого у местных жителей не отложились в памяти молодые приезжие женщины, неожиданно и неизвестно куда исчезающие... Предположение о непонят-

но зачем привезенных издалека трупам постепенно подтверждалась.

Откуда? И почему именно сюда? И каким способом?

На первый вопрос имелось три варианта ответа, ибо попасть в один из самых глухих райцентров Ленобласти можно было тремя путями.

Во-первых, Санкт-Петербург. Вот уж где народу пропадает множество... Но идентичность найденных останков с пропавшими петербурженками без сложнейших генетических экспертиз не установишь. А Три Кита за такие экспертизы по рапорту полевого агента, без санкции высшего начальства, не возьмется. Тупик...

К тому же оставалось сомнение, первым делом озвученное Лесником. По Таллиннскому шоссе – оживленной международной трассе – один раз криминальный труп провезти можно. И два раза можно... Но постоянно действующий канал? Ох как сомнительно. Рано или поздно дотошный постовой попросит открыть багажник...

Вариант два: в Сланцы можно попасть, проехав по тому же Таллиннскому шоссе, но с другой стороны – от границы. Если копать шире – из стран Балтии и Европы. Еще менее вероятно.

Третья возможность: трупы прибывают из Псковской области, через Гдов. Теоретически вполне осуществимый вариант. Но не отвечает на следующий вопрос: почему сюда?

Было над чем поломать голову...

Интересную догадку высказал Слава Ройтман, лучше коллег знакомый с местными реалиями:

– Поезд! Гдовский поезд! Местные им почти не пользуются – проходит через Сланцы неудобно, глубокой ночью. В основном приезжают челноки, и то не часто, – потом на автобусе едут в Кингисепп и к границе. Незнакомый человек с парой здоровенных сумок ночью на перроне никого не удивит. И может в тех сумках лежать что угодно... Или кто угодно.

Лесник переглянулся с Костоправом. Если всё так – шанс неплохой. Шанс избежать долгого, грозящего на месяцы затянуться расследования. С момента обнаружения изуродованных тел прошла неделя. Вот-вот могут появиться новые... Едва ли в том же самом месте, коли один раз случилась накладка – но подобных водоемчиков в окрестностях Сланцев хватает. И если неведомые труповозы действительно прибывают через вокзал...

– Машины даже на второстепенных трассах изредка останавливают, – задумчиво сказал Лесник. – А вот про досмотры вещей в провинциальных поездах я не слышал. Разве что у типичных кавказцев...

4.

Той же ночью они встречали гдовский поезд – безрезультатно. Пассажиров сошло на перрон трое – и все, как на под-

бор, женщины почтенных лет. Судя по внешнему виду и багажу, были это торговки из близлежащих деревень, подсевшие за пару остановок и загодя приехавшие к открытию рынка. Проверять, не скрыты ли куски трупов в объемистых корзинах с зеленью и цветами, Лесник не стал...

Появился Костоправ, наблюдавший за составом с другой стороны – на тот случай, если кто-то осторожный сунет червонец проводнику и попросит открыть вторую дверь тамбура.

Не нашлось таких осторожных индивидов – Костоправ молча покачал головой.

Они отправились отсыпаться, и на следующую ночь все повторилось – с тем же результатом. Вернее, без такового.

На третьем поезде – весьма запоздавшем с прибытием – приехала молодая парочка с громоздким чемоданом, вызвавшим легкие подозрения. Пришлось будить вокзального мента, загодя прикормленного (считавшего Лесника за сотрудника крутой частнорозыскной конторы).

Груз у парочки оказался неординарный: груда брошюр и листовок не то баптистов, не то евангелистов – старшина не сильно различал наплодившиеся христианские секты.

Лесника молодые миссионеры не заинтересовали – Контора старалась не вмешиваться в проблемы Церкви. Главные боли РПЦ: раскольничьи ереси, секты, противостояние с Ватиканским престолом, с сепаратистами-автокефальщиками, с Русской зарубежной православной церковью, – остава-

лись вне поля зрения Инквизиции. Лишь когда на горизонте возникали кровавые мистические культы, практикующие человеческие жертвоприношения, – в дело вступали инквизиторы.

...Восток медленно наливался красным. Ночь, считай, пропала – и опять впустую.

– Может, на рыбалку махнем? – предложил Лесник почти всерьез. – Утро красивое... Выберемся на Плюссу, повыше города, где вода почище...

Костоправ был настроен скептически – в отношении как съедобности здешней рыбы, так и дальнейших перспектив воплощения идеи Славы Ройтмана. И заявил, что лично он отправится отсыпаться, а завтрашнее коллективное бдение на вокзале станет для него последним. Поскольку тянуть пуштышки можно в одиночку, то и на вокзале стоит дежурить одному из троих, по очереди.

5.

Но именно следующей ночью Лесник уверенно подумал, едва увидев двоих спустившихся на перрон мужчин: они!

Хотя никакого громоздкого багажа мужчины из вагона не вынесли. У одного болталась на переброшенном через плечо ремне небольшая черная сумка, у второго не оказалось вообще ничего.

Однако Лесник не усомнился: они!

Потому что вместе с мужчинами на перрон спустилась женщина. Молодая. Красивая. Но – двигавшаяся заторможенно, неуверенной походкой сомнамбулы. Багажа у нее тоже не было.

Движения ее спутников, наоборот, выглядели быстрыми и уверенными. Совместным распитием спиртного троица не занималась. И наркотой втроем они тоже не причащались...

Лесник надавил кнопку лежавшего в кармане крохотного цилиндрика. Рация-лилипутка выполнила единственную функцию, на которую была способна – и тонкий писк прозвучал сейчас в клипсе-наушнике Костоправа. Сигнал означал: «Тревога! Быстрее сюда!»

Костоправ не стал терять времени, обегая длинный состав. Поднырнул под вагонами, одним взглядом оценил диспозицию.

Мужчины – один из них вел спутницу под руку – быстрым шагом удалялись в дальний, неосвещенный конец перрона. Женщина переставляла ноги механически, как заводная игрушка.

– Берем? – шепотом спросил Костоправ.

Лесник кивнул. Для чистого, классического захвата на открытой местности людей маловато, но ничего, справятся... Главное, естественно, придется сделать самому. Салага Ройтман не в счет, да и Костоправу, конечно, далеко до кондиций полевого агента. Хотя никто из коллег-белохалатников из Трех Китов не потягается с Костоправом в стрельбе

и в рукопашной...

Но едва ли их команде противостоят сегодня такие уж крутые профи.

Возьмем без проблем, подумал Лесник.

Насчет проблем он ошибся, и сильно.

Глава 2. ПУТЬ ДИЛЕТАНТА – I

Светлов, Псковская область, деревня Беленькая, 07 июля 1999 года

1.

Дверь сарая распахнулась. Светлова швырнули внутрь. Руки связаны, перед глазами расплывалась кровавая муть – и не было возможности смягчить удар, уберечься от новых синяков и ссадин.

Голоса – где-то высоко-высоко, в багровой бесконечности. Бесплотные голоса, но отнюдь не ангельские.

– Убьешь ведь... – Голос сиплый, невнятный.

– Оклемается, гаденыш...

Кто из них дергает веревку, стягивающую запястья? Грубая рука касается шеи, разворачивает голову.

– Дышит, сука, – в сипении чувствуется нотка радости. Бойтся «мокрой» статьи? Не похоже, ох как не похоже...

– Пуцай подышит, хе-хе... – Мерзкий смешок. – Развиднеется – разберемся. Слышь, ты?

Хрясь, хрясь, хрясь... Наверняка это бородатый пинает под ребра. Он помнит его сапоги-кирзачи...

Как, интересно, ему удастся не застонать?

Надо собраться, попробовать суггестию. Но нужен зрительный контакт, иначе никак.

Кто-то хмыкает. Потом смачно харкает. Размеренные шаги.

Дверь захлопывают с пушечным грохотом, и кажется, что пушка выстрелила прямо в него...

Он лежал, дыша коротенькими, незаконченными вдохами – острая боль вцеплялась в ребра. И не только в ребра. Болело всё... Чем они ударили его по голове? Какая разница... Не позволяй заходить себе за спину – и не будешь терзаться такими вопросами.

Инквизитор... Мокрая курица... Вляпался в дерьмо по самые уши. Даже с головой.

Стянутые за спиной руки уже затекли, их Светлов почти не чувствовал.

Он попытался встать, но удалось подняться лишь на колени. Потом накатила тошнота, Светлов привалился к стене. Боль постепенно уходила, не то слабела, не то становилась привычной.

Попробовал вздохнуть глубже – получилось. Долго дышал, закачивая в кровь кислород, отгоняя вставшую перед глазами пелену. Это хорошо, значит ребра не сломаны, просто отбиты...

А больше ничего хорошего. Задание суб-аналитик Светлов провалил с треском. Сам выпросил, сам и провалил. И мысль о том, что на его месте любой оперативник Конторы

попался бы точно так же – не утешала. Потому что оперативники *так* не попадают. Точно. Это исключительно его личная прерогатива.

Что вообще-то странно. Светлов никак не мог отнести себя к разряду хронических неудачников и недотеп, вечно вляпывающихся в неприятности.

Напротив, до того, как он сменил работу, жизнь Александра была вполне благополучной. Ну ладно, скажем прямо, юрисконсульт – не самая веселая профессия. Зато приличная работа. Спокойная. Размеренная. И платили хорошо. Скажем так – достойно. Ему одному хватало. Скучно только было. Тоскливо.

Зато теперь весело. Можно смеяться до слез...

...Мокрая одежда неприятно липла к телу. Ему удалось наконец встать. И рассмотреть свою темницу.

Бревенчатый сарай метра три на три, не больше. В углу пара лопат, грабли, ведра, какой-то хлам. Хорошо, что его не кинули туда. Лунный свет проникает в узкое горизонтальное отверстие почти под потолком. Это не окно – просто нет части бревна...

Кстати, о бревнах. Здесь не Сибирь, где деревья в избытке, а надворные постройки возводят на века... В здешних деревушках сараи строят тяп-ляп, на скорую руку, из самых бросовых досок.

К чему бы такое монументальное сооружение? Держат пленников – а заодно, чтобы зря не простаивало, складировуют

сельхозинвентарь?

Светлов пнул стену. Сверху посыпалась труха, но развалить сооружение таким образом не удастся. Бревна крепкие.

А дверь? Если попробовать с ней?

Нет, толстые доски, закрыто плотно. Черт, это не сарай, это натуральный бункер!

Тогда руки? Уж руки-то он сумеет освободить? Можно сделать подкоп... И что дальше? Тридцатикилометровый ночной марш по болотам?

Ничего... Утром, когда за ним придут, иметь в руках лопату – это почти победить! Его научили использовать в качестве оружия любые подвернувшиеся под руку предметы...

Голова только кружится.

Светлов сел на земляной пол, постарался успокоиться и расслабиться. Вдох... Четыре удара сердца – и медленный, до конца, выдох. И думать о чем-нибудь хорошем... Ага, о развязанных руках и автомате с подствольником, например. Не юродствуй, Светлов! Не восстановишь к утру форму – и ты покойник. Вдох-выдох... И о чем-нибудь хорошем – о детстве, о школе, о маме, о Маришке... Вдох-выдох...

Но вместо мамы и Маришки перед внутренним взором Светлова возникла холодная улыбка Бориса Евгеньевича, его куратора.

2.

С Борисом Евгеньевичем он встретился в месте весьма обыденном – для молодого юрисконсульта обыденном, разумеется. В здании городской администрации, где заодно квартировали и налоговая инспекция, и соцстрах, и пенсионный фонд. Дело у Светлова там случилось более чем заурядное – регистрация новой фирмы. Вернее, не совсем новой, контора с незатейливым названием «Рассвет» седьмой год уверенно рассекала бурные волны российского рынка, но...

Но есть в родном законодательстве один замечательный пункт: нельзя налоговикам проверять вновь созданные фирмы в первые три года их существования. Пусть, дескать, встанут на ноги, оперятся, обрастут шерстью и жирком, а уж тогда...

Однако лишь глубоко наивные люди станут дожидаться, когда их придут стричь и доить. Остальные же попросту через три года зарегистрируют контору с очень похожим названием – не «Рассвет», например, а «Рассвет-2000». И со спокойной душой ответят на звонок из налоговой: извините, граждане, «Рассвет» здесь больше не обитает. Ныне владелец и гендиректор фирмы «Рассвет» – Иванов Иван Иванович, документы все у него, с него и спрос... Но вы же, сняв трубку, представились «Рассветом»? – будут давить неугомонные мытари. Э-э-э, мы другой «Рассвет», никакие не правопре-

емники... Так, случайные тезки. Понятное дело, искать бомжующего по подвалам дядю Ваню (на котором, кроме старого «Рассвета», еще полсотни фирм числится) налоговики не станут. Всем всё понятно, а не подступишься...

...В коридоре фонда социального страхования – в просторечии соцстраха – всё шло обычным порядком. Публика, собравшаяся поставить на учет вновь созданные фирмы, как всегда, четко делилась на две категории: взмокшие новоиспеченные бизнесмены либо их бухгалтера, решившие сэкономить на услугах профессионалов и самолично пройти все круги бюрократического ада. И упомянутые профессионалы, чувствующие себя тут как рыба в воде и прекрасно знающие, кого и как умаслить небольшим презентом, чтобы не возвращаться раз за разом в один и тот же кабинет из-за мелких неточностях в документах.

Профессионалом считал себя и Светлов. Хотя на презенты предпочитал не тратить.

Подошла его очередь. Открывая дверь кабинета, Светлов почувствовал пристальный взгляд. Мужчина в хорошем, дорогом костюме рассматривал его в упор.

Смутное воспоминание шевельнулось в голове. Кажется, именно этого человека он видел вчера в налоговой инспекции. И еще в Госкомстате. Коллега, наверное... Но размышлять о случайностях и совпадениях не стал – начиналась работа, требовалась полнейшая сосредоточенность.

– Что у вас? – спросила соцстраховская девушка голосом

базарной торговки. Причем – отчего-то казалось Светлову – торговки, продающей рыбу. Несвежую... Тухлую...

– Новая фирма, на учет встать. Вот заявление. – Светлов протянул девушке заранее заполненный бланк, подписанный учредителем и украшенный оттиском изготовленной три дня назад печати.

Девушка – имя ее и ей подобных Светлов запоминать не считал нужным – чуть ли не вырвала лист из рук. Оглядела критически.

Нет, лапонька, тут все в порядке, думал Светлов. Бланк ваш, родной, вчера его здесь брал. Ну подними глазки-то, оторвись от бумаги...

Лицо регистраторши расслабилось.

– Доверенность!

– Пожалуйста, – Светлов протянул бумагу каким-то лихим, не то гусарским, не то кавалергардским жестом .

Девушка наконец подняла глаза. И взглянула на него с интересом.

– У меня все в порядке, – сказал он.

Сказал уже с нажимом – с самым первым, легоньким... И тут же совершил ошибку. Совсем небольшую: позволил себе снисходительно улыбнуться. Чуть-чуть.

Рано... Девица восприняла улыбку как личный вызов.

– Н-дя? Неужели? – она впилась глазами в документ, выискивая хоть какой-нибудь ляп – отсутствие даты, например. Или чуть смазанную букву в оттиске печати. – Не пойдет ва-

ша доверенность. Не нотариальная.

И ответно улыбнулась.

Дверь за спиной Светлова приоткрылась. Девушка зыркнула в ту сторону, но, вопреки обыкновению, не рывкнула на нахала: «Заходить по одному!!!» Вообще ничего не сказала.

Кто-то из своих, мельком подумал Светлов, в последний раз пытаюсь выиграть схватку без грубого нажима:

– Для представления интересов частных лиц в госорганах не нужна нотариальная доверенность.

– А я говорю: нужна! С нас требуют. Следующий!

Дверь открылась полностью и на пороге возник тот самый, смутно знакомый бизнесмен в хорошем костюме. Странно, кажется, он занимал очередь недавно.

Не вовремя...

– У меня с доверенностью все в порядке, – сказал Александр твердо. Сделал два шага к девице, взглянул в упор, глаза в глаза. Она сморгнула, попыталась отвести взгляд – и не смогла. Неуверенно переспросила

– Все в порядке?..

– Конечно. Здесь нужна простая письменная форма, а не нотариальная.

– Но нам говорили... – Она замялась, голос звучал вовсе уж растерянно. Лобик наморщился, словно юная бюрократка очень старалась вспомнить, что же именно им говорили – и не могла. Собственно говоря, именно это с ней и происходило...

– *Вы ошиблись*, – еще чуть-чуть *нажал* Светлов.

– Ладно, давайте заявление. Но доверенность я заберу!

– Конечно, нет проблем...

А вот теперь можно и улыбнуться – по-настоящему победно. Кстати, девушку зовут Варвара, вспомнил Светлов. Редкое ныне имя. Красивое... Да и сама ничего из себя. Но должность, конечно, собачья.

Бизнесмен в хорошем костюме оказался немым свидетелем оформления документов. А когда Светлов вышел в коридор, бережно убирая в папку информационное письмо о постановке ООО «Рассвет – 2000» на учет в фонде социального страхования, сзади прозвучал негромкий уверенный голос:

– Молодой человек, можно с вами побеседовать?

Светлов удивленно обернулся. Похоже, этот настырный тип добровольно пропускает свою очередь. Зачем тогда ломился в кабинет?

– На предмет?

– Исключительно деловое предложение.

Взгляд у бизнесмена оказался внимательный, даже напряженный.

– Это интересно... но я сейчас занят.

– Понимаю, – собеседник протянул Александру визитку. – Ковалев Борис Евгеньевич. Позвоните, как освободитесь. Обязательно позвоните.

– Хорошо, – кивнул Светлов.

Звонить он ни секунды не собирался. Ясное дело – еще один клиент, оценивший, как непринужденно Саша Светлов отработывает гонорары. Но – ни к чему. С людьми, случайно увидевшими его за *работой*, Светлов предпочитал не продолжать знакомство. Во избежание... Да и клиенты нынче идут косяком – все спешат привести учредительные документы ранее зарегистрированных фирм в соответствие с новым законом об обществах с ограниченной (ну просто микроскопической!) ответственностью...

И все-таки он позвонил.

В тот же день.

Сам не понимая: зачем?

И лишь спустя долгое время сообразил: Борис Евгеньевич попросту, не затратив лишней секунды, без *раскачки* словами, сыграл в ту же игру, что и Светлов с наивной Варварой. И выиграл в первом же раунде – как мастер-профессионал у новичка, впервые вышедшего на ринг. Чистым нокаутом.

3.

Встретились они в тот же вечер, в небольшом кафе. Борис Евгеньевич предпочел сразу взять быка за рога.

– Как часто вы это проделываете? – спросил он первым делом.

– Что?

– Ваш коронный трюк, Александр. Я хочу знать – как ча-

сто вы демонстрируете его?

Светлов нахмурился. Ему казалось, что термин «трюк» не совсем верно отражает процедуру регистрации юридического лица. Конечно, нужна некоторая сноровка, но не более того. И только потом понял, что своего имени он Ковалеву не называл. И визитку не вручал...

– Что вы имеете в виду? – Светлов постарался дать понять, что подобный жаргон в деловом разговоре неприемлем.

– Вы легко убедили девочку в том, что все ваши документы в порядке.

– Они и были в порядке. Нотариальная форма не требовалась...

– Я знаю. Я не об этом, – Борис Евгеньевич поднял руку, прерывая Светлова.

– Тогда я не понимаю вас. Вам нужен юрист?

– Я бы поставил вопрос по другому – вам нужна интересная работа?

– Насколько интересная? – спросил Светлов.

Обет на верность фирме он не давал, а получить любое предложение о новой работе всегда лестно. Тем более что потенциальный работодатель выглядит весьма респектабельно.

– Что вы подразумеваете под интересом?

– Оплату труда, разумеется.

– Я думаю, оплата труда вас устроит в полной мере. Поверьте на слово.

– Допустим. А профиль? Что за фирма? Торговля?

– Нет, не торговля.

Светлов молчал, ожидая продолжения. Гадать он не соби-
рался.

– Хм. Скажем так... Что вы думаете о полувоенной орга-
низации?

«В ФСБ так не вербуют, – подумал Светлов. – Однознач-
но. Туда кадры отбирают еще среди студентов. Значит, ка-
кая-то частная охранная структура... Но зачем я им?»

– Вообще-то я занимаюсь в основном хозяйственным пра-
вом. Налоги, бизнес. Вряд ли я буду вам полезен.

– У вас есть ценное качество, которое меня интересует.

– Какое же?

– Вы можете внушать людям то, что вам нужно.

– Что?!

– Вы отлично меня слышали.

– Вы с ума сошли! С чего вы взяли?!

– Хорошо, Александр, я не буду вас убеждать сейчас. Про-
сто подумайте над моими словами. Вспомните кое-что. Воз-
можно, этот дар убеждения работает не всегда, включается
стихийно...

– Подождите! Вы что, решили, что я экстрасенс? Только
потому, что эта дура в соцстрахе взяла у меня документы?
Но я же говорю вам: они были в порядке! В полном поряд-
ке! Я не первый год этим занимаюсь, понимаете? Девочка
заблуждалась, и я ей объяснил!

– Верно. Достаточно было пары фраз. Вполне убедитель-

но. Я бы даже сказал: впечатляюще.

Светлов сидел за столом, нахмурившись.

– Обдумайте мои слова. Я предлагаю вам интересную работу в одной организации. Это не бизнес, но оплачиваем работу сотрудников мы щедро. Мне кажется, вы человек, не лишенный воображения. Вы сможете узнать многое о себе, научитесь использовать резервы организма, разовьете свой дар. Отличные перспективы и смысл в работе я вам обещаю. Вы понимаете меня?

Светлов слушал монотонную речь, не особо вникая. То, что говорил этот человек, Ковалев Борис Евгеньевич, в голове укладывалось с трудом. Точнее сказать, никак не укладывалось. Было немислимым. Он, Саша Светлов, двадцати семи лет от роду, не женат, детей нет, по крайней мере, ему о таковых ничего не известно, – экстрасенс-гипнотизер?

Он и в самом деле не считал себя гипнотизером. Гипноз ассоциировался с эстрадой, с черным фраком, с пронзительным взглядом и уверенным голосом – и с заторможенными полусонными людьми, выполняющими дурацкие команды...

А он? Ну да, имеет талант располагать к себе людей, может заставить поверить в свои слова собеседника, не очень-то к тому расположенного... Но внушить той же Варваре, что она примадонна оперного театра – да еще так, чтобы выдала арию?.. Даже не смешно.

А может быть, все гораздо проще? Может быть, его собеседник не совсем в себе? Точно! А он, идиот, развесил уши.

– Послушайте... я ценю то, что вы обратились ко мне, но не уверен, что подойду вам.

– Понимаю, – Ковалев улыбнулся. – Вы считаете меня ненормальным. И зря, между прочим. Совершенно зря. Кстати, у вас в печенье тараканы.

– Что? – Светлов взглянул на тарелку и вскочил. Золотистая горка печенья шевельнулась, и мерзкое рыжее насекомое выползло из-под нее. За ним еще одно. Светлов почувствовал дурноту.

– Спокойно! – Борис Евгеньевич схватил Александра за руку. – Это шутка.

Тараканы бесследно исчезли. Печенье, покрытое сахарными крупинками, все так же лежало на тарелке.

– Извините, Александр, но иначе вы бы не поверили мне на слово. Я же хочу, чтобы вы восприняли моё предложение серьезно. Внушить человеку что-либо не так уж и сложно, вы сами видели, верно? А небольшая демонстрация существенно экономит время.

Светлов молчал.

– Давайте прервем наш разговор на сегодня. Подумайте над моими словами, хорошо?

Он раздумывал несколько часов – сидя в одиночестве в кафе, и потом, бесцельно бродя по ночным улицам.

Вернее, считал, что раздумывает и сомневается... На самом деле в этом вопросе подумали за него. И приняли решение. Впрочем, Александр никогда не жалел, что в конце

концов снова позвонил Борису Евгеньевичу. Ибо со своим неконтролируемым и стихийно развивающимся даром он, Светлов, рано или поздно оказался бы Конторе. Но могло получиться, что в качестве клиента...

4.

Светлов поверил сразу. Его собеседник попросту расставил точки над *i*, назвал вещи своими именами. Наверное, Борис Евгеньевич еще не успел выйти из кафе, когда Светлов понял, что одна его жизнь закончилась и началась другая.

Оставался один вопрос – настоящая ли у него была жизнь до того? Он считал себя ловким, опытным профессионалом, способным решать проблемы. Умел хорошо убеждать и клиентов, и чиновников-бюрократов. За что Сашу весьма ценили в фирме... Ценили – и вполне достойно оплачивали. Оклад семьсот долларов, плюс немаленький процент с заплаченных «его» клиентами денег – не так уж плохо для недавнего выпускника юрфака, не имевшего никаких связей на выбранном поприще.

Но встает вопрос: а чего вы, Светлов Александр Антонович, стоите без... Он запнулся мысленно на этой фразе. И действительно – как *это* назвать? Внушение? Экстрасенсорика? Слово «гипноз» по-прежнему казалось неприменимым...

Какая разница...

Юрфак... А смог бы ты, Саша Светлов, поступить туда столь легко – без блата, без взяток? К тому же изрядно подзабыв школьные знания за время службы в армии?

Да и два армейских года, пролетевшие так быстро и спокойно, без намека на какую-либо дедовщину... Он всего лишь сказал, что умеет рисовать и будет очень хорошо, если ему поручат именно это занятие, – и большая часть службы прошла в комнатенке при штабе, заваленной наглядной агитацией, даже его раскладушка помещалась там с трудом...

Внезапно всплыло в памяти то, что он старался вспоминать как можно реже, что хотел бы позабыть навсегда.

Татьяна...

Десятый класс, семнадцать лет, она – первая красавица школы, а он... В общем, до смешного банальная история: ночью Сашку терзали не то мечты, не то видения – яркие, обжигающие. А днем он робел и мялся, и не знал, как подойти к ее компании – к уверенным, хорошо упакованным, и хуже того – к снисходительно-дружелюбным...

Но закончилась банальная история необычно. Новогодний школьный бал, усыпанный конфетти пол. Он и она двигались в медленном, тягучем танце – пригласил, набрался смелости, она снисходительно согласилась, позади кто-то хихикнул...

– Я люблю тебя, – сказал он тихо, чтобы могла слышать лишь она.

Она чуть отстранилась, но все равно была рядом. Глаза

смотрели в глаза.

– И ты тоже любишь меня, я знаю, – сказал он твердо. – Поверь мне, любишь. И мы должны быть вместе.

Мать работала в ночную смену, Маришка по такому поводу куда-то умотала до утра (якобы провести с подружкой ночь за конспектами, сессия, дескать, в разгаре) – они были в квартире одни. Татьяна одевалась, собирая по комнате разбросанное нижнее белье – напряженная, скованная, молчащая, избегающая смотреть на него... Он сидел на краю измятой постели и хотел ей что-то сказать... Но сказать, глядя в глаза, и всё никак не мог встретиться взглядом, а потом встретился-таки...

Ее взгляд, обжегший, как выплеснутая в лицо кислота, он не мог забыть до сих пор. Но она так ничего и не сказала Сашке. За все последовавшие месяцы совместной учебы... Ни слова.

Не всё, далеко не всё он может внушить...

Но разве он делал *это* корыстно? Сознательно во вред другим? Или хотя бы специально?

Нет, никогда.

Он на самом деле хорошо учился, хорошо рисовал, хорошо работал. И любил Татьяну...

Не было необходимости убеждать кого-то во лжи.

А если бы была?

Когда он просил разменять квартиру – мать и Маришка сразу согласились.

Почему? Как он сможет узнать – добровольным ли стало то решение? Многие так делают, ничего особенного нет в желании взрослого сына жить отдельно. Но..

Но если бы он захотел чего-нибудь... такого... такого...

Светлов мысленно расхохотался, представив себя – убеждающего продавщицу в ювелирном одеть ему пару золотых цепей на шею – просто так, бесплатно, за красивые глаза.

Значит, им всем повезло, что Саша Светлов хороший человек? Что не причиняет никому вреда? Им повезло... А ему?

Что он теперь должен думать и чувствовать – когда начальник хлопает по плечу и говорит: «Молодец, отличная работа», когда друзья улыбаются и говорят, что он клёвый парень, когда девушка шепчет: «Я люблю тебя»?

Как он сам-то сможет жить, не зная, когда влияет на других людей, подчиняя их себе, а когда нет?

Он должен это знать. Точно и определенно.

...Открывая дверь своей квартиры, Светлов понял, что уже принял решение.

Да, ради этого знания... и, возможно, нового умения, будем честны перед собой, – он сменит работу, позвонит Борису Евгеньевичу и скажет, что согласен. Согласен на все.

Он должен знать – кто он есть и чего стоит в этом мире. Знать досконально.

Иначе жизнь не имеет смысла.

5.

Сейчас те вопросы казались глупыми и смешными. Какая разница, кто он есть – если через несколько часов всё равно станет покойником?

А он станет – если не сумеет или не успеет перетереть свои путы о лезвие лопаты. О тупое и ржавое лезвие. Чем его, интересно, связали? Не веревка, что-то плоское, но длинное, куда длиннее брючного ремня... Вожжи? Вполне вероятно...

Смешно – на пороге третьего тысячелетия оказаться связанным вожжами... Но скоро станет не до смеха.

Небо в крошечном прямоугольнике как бы окошка медленно светлело.

Глава 3. ПУТЬ ПРОФЕССИОНАЛА-II Лесник, город Сланцы, 24 июня 1999 года

1.

– Берём? – шепотом спросил Костоправ.

Лесник молча кивнул. И пошагал за мужчинами, одетыми в одинаковые кожаные куртки. Все варианты действий долгожданных гостей просчитаны заранее – и этот тоже.

Перрон на станции Сланцы был без ограждения. И низенький, возвышавшийся над землей не более чем на полметра. Костоправ спрыгнул с него и исчез в темноте, на ходу доставая прибор ночного видения, – предстояло ему пробежать по широкой дуге и отрезать потенциальным беглецам возможный путь отступления.

Слава Ройтман держался позади, крался незаметно в густой тени вагонов. Начать Леснику предстояло одному – пусть клиенты расслабятся, пусть почувствуют себя хозяевами положения... Глядишь и выкинут какой глупый фортель.

До последних двух вагонов свет фонарей не долетал. Окна не освещены, двери закрыты...

Надо понимать, никто из пассажиров в этих вагонах не просил проводников разбудить их в Сланцах. Отлично, меньше проблем.

Лесник ускорил шаг. И громко произнес официальным, сухо-казенным голосом:

– Минуточку, граждане! Па-а-апрошу ваши документики!

Милицейское удостоверение – на самый крайний случай – у него имелось. Но тянуться за ним Лесник и не подумал. Потому что чутьё, никогда не подводившее, просигнализировало: начинается!

Мужчины синхронно развернулись – один через правое плечо, другой через левое. Женщина продолжала шагать, как шагала – и остановилась, лишь когда спутник дернул ее за локоть.

Рука противника – Лесник уже воспринимал их именно так – скользнула во внутренний карман куртки. За документами? Едва ли... Его напарник, похоже, носил в рукаве нечто режущее или колющее – два пальца нырнули под обшлаг незаметным в темноте движением. Не для Лесника незаметным, разумеется.

Ни слова мужчины не произнесли. Не спросили, какое, собственно, ведомство представляет их собеседник. Не заинтересовались, как он намерен изучать документы почти в полной темноте. Спокойно и деловито собирались убить дурака, не подозревавшего, что его ожидает.

Лесник вышел на ударную дистанцию. И мог бы начать

первым, но не спешил. Пусть раскроются, пусть покажут, на что способны...

Работали против него люди опытные. Тот, что доставал пистолет – достал, быстрым и натренированным движением. Но в ход не пустил. Прикрывал приятеля, извлекшего из рукава нож – очевидно, прикончить Лесника они вознамерились без излишних звуковых эффектов.

Пора! – решил он, когда клинок решительно устремился вперед – прямиком ему в сердце.

Коротко провел выбивающий, и тут же болевой, заставляющий на пару минут забыть обо всем.

Теперь любитель огнестрельного оружия... Черт! Что за...

Выстрел разорвал темноту, впечатался в сетчатку огненной вспышкой. Пуля свистнула совсем рядом, обожгла горячим дыханием.

А затем пришлось драться всерьез. За свою жизнь. Владелец улетевшего в темноту ножа, обязанный корчиться сейчас от дикой боли, – не корчился. Более того – напал на Лесника, отвлек, не дал обезоружить напарника.

Удар, уход, пистолет попал в стандартные «клещи» – второй выстрел угодил в пустоту, третий раз нажать на спуск стрелок не успел... Его напарник рванул наутек.

Лесник опустил обмякшее тело на перрон. Рывкнул подбежавшему Славке (соблюдать тишину после пальбы не имело смысла):

– Оттащи их подальше! Головой отвечаешь за обоих! Этот очухается – добавь!

Женщина так и простояла рядом всю скоротечную схватку – неподвижная, ко всему безучастная.

А ведь он стрелял не в меня, понял Лесник на бегу. В нее... Иначе бы не промахнулся. Но отчего парни так нечувствительны к боли? Накачаны какой-то гадостью? Ладно, разберемся...

Торопливый топот ног преследуемого слышался отлично. Лесник мчался следом, напрягая ночное зрение – не хватало еще подвернуть лодыжку на какой колдобине...

Впереди раздались звуки схватки, Лесник поднажал, но Костоправ управился сам – и уже пытался защелкнуть браслет наручника на запястье поверженного врага. И наверняка удивлялся, отчего тот еще способен сопротивляться.

– У них все нервные окончания чем-то приглушены! – сообщил Лесник, когда они объединенными усилиями сковали руки пленника.

– Уже догадался, – пропыхтел Костоправ. – Э-э-э, да он...

Лесник и сам все видел. Тело, лежавшее у них под ногами, сотрясали конвульсии – усиливаясь с каждой секундой. Эпилептический припадок? Случается такое с эпилептиками при стрессах... Впрочем, что гадать, когда эксперт рядом.

Но эксперт помочь не смог. Никому и ничем. Шея пленника, судорожно задиравшаяся к спине, изогнулась под каким-то вовсе уж немислимым углом. Короткий треск – и все

кончилось. Тело дернулось пару раз и затихло.

– Перелом шейных позвонков, – констатировал Костоправ спустя минуту.

– М-да... – только и сказал Лесник.

Сломать себе позвонки напряжением шейных мышц – о теоретической возможности такого фокуса он слышал, но на практике довелось увидеть впервые... Никакими тренировками эдакого умения уходить из жизни не достигнешь, тут поработал суггестор, причем далеко не заурядный, – специалистов столь высокого класса и в Конторе-то раз, два и обчелся...

2.

Сбивчивые объяснения Славы они не стали слушать. И без того всё ясно: второй пленник лежал точно так же, с шей, вывернутой под невозможным для живого человека углом. Ладно хоть женщина не попыталась повторить тот же трюк... Придет в себя – хоть какой-то источник информации у них будет.

– Их можно было спасти? – спросил Лесник, когда машина с погашенными огнями медленно выезжала с пустыря, примыкавшего к вокзалу. Спросил на всякий случай – не исключено, что у неведомого пока противника есть в резерве похожие бойцы. В том, что стечением обстоятельств они вышли на заведомого клиента Конторы, Лесник уже не

сомневался.

– Ну-у-у... – раздумчиво протянул Костоправ, хлопотавший на заднем сиденье над женщиной – не то плененной, не то освобожденной. – Если быстренько вколоть релаксант, расслабляющий мускулатуру... Не нравится мне ее пульс, – сменил он тему. – Все реже и реже. Езжай-ка побыстрее.

– ГИБДД оштрафует, – мрачно откликнулся Лесник, вырубившая на шоссе. И тут же вдавил педаль газа до упора.

3.

– Да сделай же что-нибудь, черт возьми! – не сдержался Лесник.

Но единственным, что смог сделать Костоправ, оказался неутешительный вывод:

– Это не суггестия... Она под действием какого-то сильного токсина, скорее всего. А сопровождавшие регулярно вводили ей antidotes.

Многочисленные и свежие следы инъекций на руках женщины подтверждали предположение.

Женщина умирала, так и не придя в сознание. Тихо угасала – пульс и дыхание становились всё реже. А они ничего не могли сделать, хоть и пустили в дело походный комплект реанимационного оборудования. Все попытки активизировать сердечную мышцу результатов не давали.

Лесник проклинал себя за невнимательность. Слишком

поздно заметил, что черная сумка, висевшая на плече убежавшего в ночь человека, – исчезла, когда они с Костоправом взяли наконец беглеца. Наверняка в ней и лежали необходимые antidotes...

Как выяснилось, самобичеванием он занимался зря. Прочесывавший привокзальный пустырь Слава привез на конспиративную квартиру (проще говоря – на «аэродром») трофей более чем скромный: пару клочков обгоревшей черной кожи. Небольшой термитный заряд испепелил и сумку, и ее содержимое. Человек, планировавший перевозку, предусмотрел, казалось, всё...

Незадолго до возвращения Ройтмана на «аэродром» женщина перестала дышать.

4.

– Делать нечего, пакуем ее и повезли в ЦРБ, – сказал Костоправ, отлепляя от лица умершей маску кислородного ингалятора. – Хоть задним числом разберемся, что за токсин. В следующий раз будем наготове. Да и тех двоих из гаража прихватим...

И он начал аккуратно укладывать в футляр портативный дефибриллятор.

Лесник тяжело молчал. Отчет об операции получится безрадостный. А ведь их с Костоправом смешанная пара – экспериментальная. И эксперимент призван ответить на во-

прос: стоит ли включать в состав действующих на местах боевых групп многопрофильных экспертов из Трех Китов, получивших достаточные навыки оперативной работы.

Честно говоря, Лесник и сам не пришел к однозначному выводу. Скорость срочных экспертиз, конечно, вырастает в разы. Да и в подготовке агентов не придется уделять так много времени возне с компакт-лабораториями. Но один эксперт, будь он хоть семи пядей во лбу, не в состоянии заменить разом несколько лабораторий Трех Китов, даже не центральных, даже действующих при филиалах...

От невеселых раздумий его отвлек удивленный вскрик Костоправа.

– Что еще? – обернулся к нему Лесник.

Костоправ молча указал на экран комплексного кардиомонитора. У покойницы вновь появился пульс! И сердце билось всё чаще и чаще. Между тем никаких признаков дыхания не наблюдалось.

– Что за чертовщина... – Лесник коснулся руки псевдопокойницы. Оказалась она теплой, почти горячей – как у больного человека с высокой температурой. Он быстрым движением ножа вспорол платье сверху донизу.

Судя по всему, одевали женщину чужие торопливые руки – под платьем ничего не оказалось. Но отнюдь не вид обнаженного женского тела заставил остолбенеть троих инквизиторов.

– Что это? – шепотом спросил Ройтман.

ЭТО располагалось неподалеку от подмышечной впадины. ЭТО по площади не превышало мужскую ладонь. ЭТО медленно приподнималось и опускалось: приподнявшись, демонстрировало внутри ярко-красную субстанцию – губчатую, пульсирующую. Опустившись, ЭТО ничем не выделялось на теле – надо было внимательно вглядываться, чтобы заметить тончайшую линию разрыва кожи...

– Мутантка. Двойкодышащая... – констатировал Костоправ, повернув женщину. На другом боку обнаружился точно такой же неведомый орган.

«Жабры?» – подумал Лесник. Очень похоже...

Костоправ торопливо потянулся за укладкой со своими инструментами.

Губы Славы Ройтмана подрагивали. Парню не доводилось видеть ничего подобного... Но дело свое делал: снимал на видеокамеру женщину и действия Костоправа – подробно, во всех ракурсах.

Лесник же отреагировал типичным для полевого агента образом: достал пистолет и вставил другую обойму – снаряженную спецпатронами. Любое непонятное *нечто* он привык рассматривать в первую очередь как источник потенциальной опасности. Даже если пресловутое *нечто* выглядело как женщина – молодая, красивая, беззащитная...

– Не понос, так золотуха, – процедил Костоправ. – Температура повышается...

Цифры в окошечках монитора постоянно росли. Пило-

образные выступления на экранчиках увеличивали амплитуду и ускоряли свой бег. Лесник мало что понимал во всей этой медицинской машинерии. Но и без нее ясно – мутация не завершилась. Или завершилась неудачно...

Жаберные крышки (если все же считать неведомые органы за жабры) поднимались и опускались всё чаще и чаще. Из-под них начала сочиться какая-то жидкость – тягучая, мутноватая, с неприятным запахом.

– Давай сюда камеру и набери ванну, – отрывисто приказал Лесник Ройтману. – Холодной водой. В темпе.

Наука, судя по всему, пока бессильна – Костоправ сам не понимает, с чем они столкнулись и что тут можно предпринять. И Лесник решил поступить по наитию. Слишком уж существо напоминало рыбу, задыхающуюся на берегу.

Выполнить приказ Ройтман не успел. Именно в этот момент женщина открыла глаза и заговорила.

5.

Ничего внятного они не услышали: неразборчивые отдельные слоги. Затем женщина закричала – пронзительно, долго. Затем умерла. На сей раз окончательно – экраны монитора пересекали ровные линии, в окошечках застыли нули. Лишь датчики температуры свидетельствовали – тело продолжает стремительно нагреваться: сорок два градуса, сорок три, сорок четыре...

Пытаясь остановить развивающийся по экспоненте процесс разложения, они опустили-таки тело в холодную воду, высыпали туда сколотый из морозилки лед. Тщетные попытки... Мягкие ткани на глазах теряли структуру, отслаивались, расплзались в отвратительное полужидкое месиво. Запах в ванной стоял тошнотворный и усиливался с каждой минутой, пришлось надеть респираторы...

Наконец всё закончилось.

От уникального трофея осталось немного – ванна, наполненная густой жидкостью, мерзкой даже на вид; скелет, ничем не отличающийся от обычного человеческого; видеофильм, зафиксировавший весь процесс...

Все экспресс-тесты, что они успели провести, дали отрицательный результат. Столь похожее на женщину существо не было новой разновидностью известной Конторе нелюди – но чем-то принципиально новым.

Операцию они провалили с треском, мысленно констатировал Лесник. И нечего оправдываться перед собой и начальством: мол, пришлось столкнуться с неведомым и совершенно неожиданным. Грош цена полевому агенту, не умеющему справляться с неожиданностями.

– А те двое? – вспомнил вдруг Ройтман. – Если они – тоже?

Трупы мужчин в спешке оставили лежать на полу личного Славкиного гаража. Едва ли они повторили посмертную судьбу своей спутницы, но убедиться в том стоило немедлен-

но...

До гаража прогулялись втроем – открыв в квартире все форточки и включив кухонную вытяжку на полную мощность. Местный воздух, до сих пор раздражавший Лесника – постоянно чудился легкий запах сланцевой пыли – теперь казался напоенным ароматами альпийских лугов.

Мертвецы обнаружили на том же месте. И в том же состоянии. Слава облегченно вздохнул – уборка в противогазе не потребуется. Спросил:

– А кем она была? Вы таких встречали?

– Не приходилось, – покачал головой Лесник. – Можно окрестить вновь открытый вид. Но что-то не хочется увековечивать свое имя. Предлагаю назвать попросту – русалкой.

– Русалки – миф, – веско сказал Костоправ. – Все классики в один голос говорят: нет русалок и никогда не было. И кентавров не было. И гарпий.

– Знаю я твоих классиков... – протянул Лесник с нескрываемым скепсисом. – Один ошибется, а другие повторяют, как попугаи. Вспомни историю с Аристотелем и восьминогими мухами.

Леснику вдруг подумалось: отчего теоретики Инквизиции столь упорно отрицают существование русалок, водяниц, мавок, лобаст, берегинь, лоскотух? А заодно ундин, сирен, хе-бо, мемозин, су-кызлары, ахти, хы-гуаше, мерроу... и прочих, и прочих – как только не именовали обитающих в воде женщин разные народы мира. Оттого лишь, что инкви-

зиторы ни разу с ними не сталкивались? Не причина, чтобы напрочь отметать саму возможность существования...

Но будущим полевым агентам в Академии вдалбливали четко и однозначно: нет русалок. Нет и не было. Миф. Фольклор. Хотя сплошь и рядом Конторе приходилось иметь дело с существами, почитаемыми за миф официальной наукой и большинством граждан. Пусть не всегда и не во всем они соответствовали своим фольклорным двойникам – но реальная первооснова легенд и мифов всегда прослеживалась четко. И на памяти Лесника дважды приходилось сталкиваться с тварями, ранее неизвестными, не описанными, не классифицированными...

Так почему же?

**Дела минувших дней – I
Академия. Подмосковье,
осень 1927 года
Псковская область, деревня
Лытино, лето 1892 года**

1927 год...

До чего же они не походили на семинаристов, коим Алексею Николаевичу приходилось читать лекции четверть века назад. Те, давние его ученики, были шумные и непоседливые, порой озорные... Любили сбить с толку неожиданным, провокационным вопросом – уводящим далеко в сторону от предмета лекции.

Эти же...

Молчаливые – никакого постороннего шума в аудитории. Плечистые, коротко стриженные, очень серьезные, на футболках – кимовские значки. И – ничему не удивляются. Вообще. Ни странным вещам, звучащим с кафедры, ни тому, что излагает их человек в сутане священника – да еще и обращается к слушателям: «милостивые государи»... Сами же всегда называют отца Алексея «товарищем Соболевым». Без какой-либо, впрочем, издевки. Приказано изучить всё, что знает недобитый контрик, – изучают, слушают внимательно-

нейшим образом, старательно записывают в тетради, вежливо задают вопросы – исключительно по существу.

Но Алексей Николаевич был уверен: прозвучит приказ увести его в подвал, поставить к стенке и расстрелять – уведут, поставят, расстреляют... Так же спокойно и уверенно, без лишних эмоций.

Наверное, для Инквизиции, – идеальные солдаты. И всё же порой отец Алексей сомневался – такими ли должны быть служители того, что он считал богоугодным делом...

Он поднялся на кафедру, привычно поприветствовал «милостивых государей», привычно обвел аудиторию взглядом... И зацепился за лицо, которое никак не ожидал здесь увидеть. Богдан Буланский... Сидит в первом ряду, словно и впрямь приготовился внимательно слушать. Разве что перо и конспект не приготовил.

Что, интересно знать, привело начальника Оперативного управления в Академию, на самую заурядную лекцию?

Лекцию о русалках...

* * *

1892 год...

Приходилось ли вам, милостивые государи, сводить знакомство с трубочистом? Не с персонажем сказок Андерсена, норвящем жениться на принцессе, а с настоящим, реальным деревенским трубочистом? Алеше Соболеву не до-

водилось, по крайней мере, до этого лета. Родительский дом в Ржеве не был оборудован новомодным калорифером – старое доброе печное отопление – но коим образом удаляется накопившаяся в трубах сажа, Алеша не имел понятия. Как-то не задумывался над этой проблемой.

Лытинский трубочист звался Броней – с таким имечком к принцессам и в самом деле лучше не приближаться. Впрочем, по имени Броню в Лытино и окрестных деревнях называли редко, благо имелось у него прозвище, даже целых два.

Во-первых, звали трубочиста Банщиком – оно и понятно, с его работой или в баньку ходи чуть не каждый Божий день, или Арапом прозвуют.

Второе же прозвище образовалось от названия главного Брониного орудия труда.

Представляло оно из себя короткую, с руку длиной, цепь, на один конец которой крепилась круглая гиря – весом фунтов двенадцать, а то и все пятнадцать. Чуть выше на той же цепи имелся «ёрш» – преизрядная кольцеобразная железная щетка. К другому же концу была привязана длинная веревка.

Наверняка воспетые Андерсеном трубочисты называли предмет сей словом иностранным и благозвучным. Алеша подозревал, что и в российских столицах именуют его иначе, чем Броня. Но тот звал попросту – шуры́га. И прозвище имел – Шурыган.

...Про встречу свою с русалками-берегинями Броня рассказывал, поминутно поминая любимую шурыгу... И, по

обыкновенению местных жителей, безбожно «чёкая».

– А барыня-то у них, ясно дело, тока деньгами завсегда платит, чёб стаканчик, значить, поднести – ни в жисть. Ну чё, я, значить, тогда чуток крюка дал – к Ермолаичу забежал, значить. А к ему тем разом таку казенную привезли – ох, люта, прям будто шурыгой по голове бьёт! Ну чё – я, значить, стакашок хватанул, другой хватанул, дальше бреду, шурыгой, значить, помахиваю: ан тяжко шагается, косятся ноги чёй-то, в голове гудит-звенит – ну прям те благовест пасхальный! К Чугуйке, значить, вышел, малый чуток до моста не добрел – тут и они! Как кто, барич? – берегини ж! Не то спод бережку, не то прям с воды выскочимши! Штук семь, а то и вся дюжина! И гольшом до единой, тока волоса срам и прикрывают! Ну всё, думаю, – пропадай душа христьянская... У моста омут-то глыбкий, уволукут – поминай как звали... А они, значить, вокруг вьются, смеются залиvisto, руками манют – к нам, мол, иди! А я уж и не прочь – прям как тридцать лет скинул; парнем когда холостовал, по овинам да сеновалам с девками, значить, обжимался – и то запалу такого в портках не помню... Так ведь и пошедши к ним уже! И сгинул бы, да казенная, чё у Ермолаича откушал, выручила – заплелись ноги-то, шурыга с рук выскользнувши, по сапогу – хрясть! И охолонул, как пелену с очей смыло... Не дам, дочки сатанинские, душу на поругание! Шурыгу схватимши – и ей давай крестить их по чём придется! По голове хрясть! – и нет головы! По ноге, значить, хрясть! –

пополам нога! Да чё толку: всё зарастает, как было, прям на глазах же... Обессилемши я совсем, и пропал бы тут – да под горой Лытинской петух заорал. Будто ангел в трубу дунул – распылились враз чертовки, как и не было... Вот ведь каки чудны дела у нас случамши...

Алеша Соболев слушал рассказ Шурыгана и уже жалел о четвертинке казенной, тайком позаимствованной из теткиной кладовой. Качал головой – не то, совсем не то...

* * *

1927 год...

– ...Таким образом, – продолжал отец Алексей, – культ рыбохвостой богини Атаргатис, заимствованный в Сирии, в третьем веке от рождества Христова распространился практически по всей территории Римской империи...

Сидят, записывают... Ни единого возмущенного вопроса: да на хрена ж нам давно забытые боги давно рухнувшей империи?

Буланский тоже слушает внимательно. На удивление внимательно... Насколько известно Алексею Николаевичу, теоретические вопросы интересуют Богдана мало. Появится, дескать, новая нечисть – уничтожим, при чем тут рыбохвостые богини...

– ...Чаще всего святилища Атаргатис располагались неподалеку от храмов родственного рыбьего бога Дагона, чей

культ был позаимствовал у филистимлян...

Он мог многое рассказать по этому вопросу. Очень многое. Потому что начал изучать его ровно тридцать пять лет назад – задолго до того, как заинтересовался прочими персонажами русского фольклора.

* * *

1892 год...

Мать расстраивалась:

– Да что же Алешенька в библиотеке-то опять засел? Мало в своей семинарии над книгами горбился? Приехал раз в году отдохнуть, и опять книжной пылью дышит. Погулял бы на природе, развеялся...

Ее младшая сестра Евдокия – всего-то на девять лет старше семинариста Алеши Соболева – улыбалась лукаво.

– Не волнуйся, Глаша, гуляет он на природе, еще как гуляет... Да только на прогулки выбирается, когда мы с тобой уже спать ложимся. И сдается мне, по утрам у него губы не от комаров припухшие... А в библиотеке, думаю, отсыпается на диванчике.

Мать смотрела недоуменно, не верила... Для нее Алешенька и в семнадцать лет оставался ребенком... Она ошибалась.

Но ошибалась и Евдокия. Алеша не отсыпался в библиотеке, он трудолюбиво разбирал старинный, с титлами,

шрифт, делал выписки, переводя на современный язык наиболее архаичные выражения:

«...В ину пору корабль плывет, хоша по обнаковенной воде, но зато по сторонам-то его бесперечь выныривают чудища: от головы до пояса человек, от пояса до ног – рыбий плес. Вынырнет то чудище, встряхнет длинными волосами, индо брызги на версту летят, да закричит глухим хриплым голосом: „Фараон!“ Это фараоновы воины, что за Мысеим гнались, да потонули и сделались получеловеками...»

Алеша откладывал перо, задумчиво качал головой... Не то, совсем не то...

* * *

1927 год...

– А теперь слушаю ваши вопросы, милостивые государи, – привычной фразой завершил лекцию Алексей Николаевич.

И первым же прозвучал вопрос, которого он ожидал. И на который заготовил ответ – подробный, развернутый. Заготовил давно, когда только еще начинал работу над подготовкой курса лекций о нелюди и нежити.

– Скажите, товарищ Соболев, – спросил паренек из второго ряда, – вы нам не раз разъясняли, что если про какое существо во всем мире малограмотный народ байки сочиняет – значит, неспроста. Значит, есть оно и в жизни, пусть и не совсем похожее... А русалок, получается, нету? Почему?

Может, не ловили их просто? Может, поискать как следует надо?

– Видите ли, милостивый государь... – отец Алексей сделал короткую паузу, посмотрел на Буланского. И все дальнейшие слова предназначались именно для начальника Оперативного управления:

– Дело в том, что у ВСЕХ мифических существ действительно имеется некая реальная первооснова. Но не всегда первооснова служит объектом нашего интереса. С давних пор люди встречались с млекопитающими семейства дюгоней, обитающими в южных водах: с ламантинами, сиренами, и собственно дюгонями... А у самок упомянутых ластоногих существ молочные железы крайне напоминают женскую грудь – размером и месторасположением на теле. Если учесть, что ламантины и сирены любят неподвижно лежать на воде, спиной вниз, нежась на солнышке, – то происхождение легенд совершенно очевидно. Издалека, с борта корабля или с берега, означенных животных принимали за женщин. При попытке подплыть или подойти ближе – наблюдаемые якобы женщины ныряли, демонстрируя задние ласты, весьма напоминающие рыбий хвост. Именно такова первооснова мифа, никоим образом к нашей компетенции не относящаяся. Семейство дюгоней достаточно подробно изучено зоологической наукой... Аналогичных примеров при желании можно вспомнить предостаточно, милостивые государи: носороги, ставшие прообразом легендарных единорогов; отно-

сительно недавно вымерший гигантский страус моа, рассказы о коем породили птицу Рух арабских мифов...

Курсанты слушали внимательно, записывали. Богдан Буланский задумчиво кивал головой – не то рассказу отца Алексия, не то собственным мыслям...

* * *

1892 год...

Отец Геннадий басит:

– Воистину удивительно, юноша, что с такими помыслами вы духовную стезю выбрали. Вам бы, право, мирскими науками заняться, ибо как раз они всему доказательства ищут, по полочкам всё раскладывают...

Алеша настаивает:

– И все-же, отче, как понять границу, грань между чудом Божиим и сатанинским? Если бы в дом Лазаря допрежь Иисуса пришел жрец халдейский, и сказал бы: «Встань и иди!» и встал бы Лазарь, и пошел, – как мы расценили бы чудо сие?

– Как бесовское наваждение.

– Наваждение рассеиваться должно в свой срок – не от крика петушиного, так от молитвы искренней... А если бы не рассеялось? Если Лазарь так бы живым и остался?

– Значит, случилось бы чудо – не знак Божий, но искушение дьявольское. Ибо каждому человеку свой срок на земле

положен, а мертвых подымать лишь Сыну Божьему дозволено...

– То есть, глядя на результат чуда: встретив на дороге Лазаря, коего вчера мертвым видели, – не можем мы сказать, от Бога или Сатаны оно? Не важно, ЧТО сотворено – важно КЕМ и ЧЬИМ ИМЕНЕМ??

Взгляд священника становится неприязненным. Отвечает он после долгой паузы:

– Не знаю, юноша, к чему вы разговор наш подвести желаете. Да и знать не хочу. Одно скажу – христианин истинный к Господу не умом, но сердцем стремится. И лишь сердцем понять способен – от Бога или от лукавого то чудесное, что порой и в нашей юдоли узреть случается...

* * *

1927 год...

После лекции Богдан пришел в преподавательскую, молча уселся на стол, закурил папиросу...

Спросил после долгого молчания:

– Скажи, Леша, ты уверен в своих выводах касательно русалок? Полностью уверен? А то ведь я как-то в бытность в Синоде встречал младенца с жабрами...

– Живого младенца? – удивился отец Алексей.

– Заспиртованного... Возил один немец цирк уродов по западным губерниям...

– Думаю, Модест тебе лучше объяснит, отчего такие младенцы порой появляются на свет и почему неспособны к жизни... Точнее, его ты лучше поймешь, Даня, – ибо Божье попущение для тебя пустой звук.

– Уже объяснил, – хмыкнул Буланский. – Наплел, нагородил: дескать, люди все от рыб происхождение ведут, вот порой от дальних родичей и вылезает атавизм – то хвост, то жабры... Теоретик. А у меня вопрос-то конкретный, жизненный...

– Какой именно? – Алексей Николаевич постарался, чтобы слова его прозвучали достаточно равнодушно.

Богдан опять помолчал. Наверное, не очень-то хотел посвящать еще одного «теоретика» в тонкости оперативной работы. Но ответил-таки.

– Дело с археологией связано... Французы раскапывали храм Дагона – того самого, про которого ты мальчишкам сегодня рассказал. Второй раз, кстати сказать, – первая попытка полвека назад случилась... В Палестине копали, в сотне верст от Эль-Кудса. Был в их нынешней экспедиции мой человек, переслал копии материалов... Там интересная вещь обнаружилась – туннель, в главное святилище ведущий. Ныне-то сухой, а вот в древние времена водой был полностью залит. Причем чуть ли не восемьсот сажен тянется. А другого хода в святилище нет. Зато рисуночки на стенах имеются интересные – как бабы с рыбьими хвостами туннелем тем плавают. Вот я сижу и думаю: как жрецы к алтарю без во-

долазных костюмов добирались? Поневоле младенец с жабрами на память пришел... Археологи что-то там с арабами местными не поделили – и свернулись, дело не закончив. Человек мой настаивает: свою, мол, экспедицию посылать надо. А я сомневаюсь – это сколько ж людей и денег потребуется... Стоит ли?

– Ты хочешь потратить массу сил и средств, чтобы узнать двухтысячелетней давности секрет жрецов? Есть трактат третьего века от рождения Христова – «Опровержение всех ересей» святого Ипполита. Там порой такие «чудеса» жрецов описываются – с полным объяснением механики их исполнения – что, полагаю, трюк с якобы хождением под водой на их фоне не интересен.

– Может и не интересен... А может, наоборот... Потому что одна ниточка с той Палестины в наши палестины, российские, протянулась.

– Какая? – спросил Алексей Николаевич, стараясь дышать ровно, размеренно – сердце билось часто, тревожно. Он догадывался, что сейчас ответит Буланский.

– Жил один поляк обрусевший во времена Александра-Миротворца... Владислав Навицкий. По чину-званию – помещик Псковской губернии, а по натуре – авантюрист полнейший. Родился бы на сто лет раньше, точно шею бы свернул в каком мятеже или рокоше. А так всё место найти себе не мог... Учился в Петербурге, в Университете – выгнали. Не за политику, за дуэль, – едва отец сумел его от

уголовного суда отмазать. Уехал в Ниццу, здоровье поправлять, – и там тоже история с ним какая-то грязная приключилась. Затем осиротел, прожил полгода в имении, женился даже – но опять не усидел на месте, снова махнул во Францию, поступил в Эколь Техник, – и оттуда выгнали, не знаю уж за что... Тогда-то он и примазался к первой французской экспедиции, что храм Дагона копала. Наукой та компания не сильно озабочена была – золотишко храмовое искали, еще что ценное... Нашли чего или нет – неясно, статьи в научные журналы не посылали, музеям добычу не предлагали. Такая вот история...

– Смутная история...

– Да уж... А продолжение у нее еще более смутное. Потому что учудил Навицкий по возвращении вот что: отгрохал в имении храм Дагона в миниатюре. И крестьян в новую веру обращать удумал. По окрестным деревням тут же слухи о русалках да о сатанинских шабашах поползли – мужичкам-то сиволапым всё едино, что Дагон, что Сатана... Сам понимаешь, что во времена Победоносцева за такие штучки грозило... До Синода известие дошло, но Десятое присутствие вмешаться не успело. Местные власти сами управились. Храм разнесли по камешку, Навицкого – в Иркутск пожить, мозги проветрить, имение – под опеку. Что с паствой его обращенной сделали, уж и не знаю. Розгами, надо думать, полечили хорошенько. Но никто толком разбираться не стал, чем именно жрец новоявленный в своем храме

занимался.

Алексей Николаевич слушал, затаив дыхание. Буланский сказал с нешуточным сожалением:

– А больше ничего мне про то темное дело не известно. И свидетелей-то не найти, даже стариков-старух древних – империалистическая да гражданская перемешала народ, перебаламутила, имение в семнадцатом мужички сожгли, деревню – ЧОН в двадцать первом, как бандитское гнездо...

– А что стало с Навицким?

– Сбежал из ссылки, махнул в Америку через Берингов пролив. По слухам, мыл золото на Аляске, потом вроде в Африку подался. И погиб в Трансваале – опять же по слухам – во время англо-бурской войны... Жена его вроде бы церковь на свои средства возвести собиралась – грехи мужа искупить... Вот я и думаю: стоит ли историю старую на свет вытаскивать?

– Не стоит, Богдан, – сказал отец Алексей твердо. – Ничего там серьезного не раскопаешь. Блажь сумасбродного барина. Много тварей человекоподобных существует Божиим попущением – но воднодышащих нет среди них и не было.

– Нет так нет, – поднялся со стола Буланский. – Попущениям небесным я не сильно доверяю, а тебе – вполне. Раз «товарищ Соболев» сказал – не положено бабам хвост носить и под водой плавать – стало быть, и не поплывут, захлебнутся. Отправлю депешу в Париж – не будет, мол, экспедиции... Хотя все же любопытно мне: что за чертовщи-

ну Навицкий оттуда вывез. Хоть бы мемуар какой, подлец, оставил...

* * *

1892 год...

Шепот – торопливый, страстный.

– Не надо, Лешенька, не надо ничего спрашивать, не положено людям знать про такое, и ты не спрашивай, просто люби меня, милый, люби, люби, люби-и-и-и...

Ночь прохладная, но кажется жаркой. И его губы уже не задают вопросов... Пальцы перебирают неправдоподобно пышные волосы, затем – неумело, по-мальчишески – ласкают упругую грудь, ласкают всё обнаженное тело. Избегают лишь касаться боков чуть ниже подмышек – чтобы не задеть невзначай трепещущие жаберные крышки...

* * *

1927 год...

Дверь за Богданом закрылась. Алексей Николаевич облегченно перевел дух.

На всё Божья воля – значит, не суждено было Дане разузнать, что Евдокия, жена помещика Лытина, ближайшего соседа Навицких, приходилась родной сестрой Глафире Пет-

ровне Соболевой...

Алексей Николаевич всегда испытывал к Буланскому изрядное уважение. Но на сей раз он недооценил дотошность и упорство Богдана.

Глава 4. ПУТЬ ДИЛЕТАНТА – II

Светлов, г. Санкт-Петербург, 22 июня 1999 года

1.

Любой путь начинается с первого шага. Путь, что привел Светлова в деревню Беленькая, в бревенчатый сарай без окон, начался с полутора десятков шагов. Именно столько разделяло кабинет Светлова и пустующую по утреннему времени приемную...

Бумага в принтере опять закончилась. Обычная история. Светлов был готов к такому повороту событий и запасливо держал в своем столе НЗ – стопку чистых листов. Сходил за бумагой, вставил в поддон, нажал кнопку «пуск»...

Из аппарата выполз лист, за ним еще один. Светлов в нетерпении посмотрел распечатку. Нет, чужие... Кто-то попытался в конце рабочего дня распечатать документ – и не смог, не хватило бумаги...

Машинально скользнув взглядом по строчкам, отложил было в сторону – придет хозяин, заберет... Затем вновь пододвинул. Ну точно, в первой же строчке знакомые имя и фамилия – Софья Немирова. Не самое обычное сочетание.

Принтер продолжал выплевывать лист за листом.

Вот и его отчет. Вернее, черновик отчета – ранний приход на службу и был вызван желанием доделать работу... Первый лист из восьми, второй...

Забирая свою распечатку, Светлов снова мельком взглянул на чужой документ с заинтересовавшей его фамилией. Две страницы без каких-либо опознавательных колонтитулов. Без начала и конца. Пожалуй, тоже черновик...

Светлов оглянулся. В приемной еще часа полтора никто не появится... Любопытство пересилило – и он прихватил чужие бумаги с собой.

В конце концов, успокаивал он свою совесть, документ не украшен грифом «Секретно». Или хотя бы ДСП. Сотрудники, имеющие дело с такой информацией, пользуются персональными принтерами.

В руки ему попал фрагмент аналитической записки: сам такие составлял постоянно, еще бы не узнать...

Так что же за история приключилась с Софьей Немировой? И вообще – может, не она?

Она... – убедился Светлов в кабинете. Сонечка...

Отчество он не помнил (а может и не знал никогда), но ошибка исключена. Дата рождения – 20 марта 1972 года. Место рождения и проживания – город Великие Луки, улица Гагарина.

Дома их стояли через дорогу, через ту самую улицу Гагарина... И учились они вместе. Восемь лет. Можно сказать,

дружили, пока Саша Светлов не влюбился в новенькую девочку, пришедшую в их класс. Сонька тогда страшно переживала, да и он чувствовал свою вину, но ничего не мог с собой поделать.

Никакого поясняющего текста в обрывке документа не оказалось. Две страницы женских имен с краткими анкетными данными. И примечания: «пропала без вести тогда-то и там-то», «объявлена в розыск тогда-то»...

Что же с тобой случилась, Соня?

И с тобой, Анна, семидесятого года рождения из Новоржева?

Ирина, Валентина, Ольга, Елена, Татьяна, еще одна Ольга... Тысяча девятьсот семьдесят пятый, восьмидесятый, даже восемьдесят пятый год рождения... Старшей было двадцать девять, младшей четырнадцать.

Места проживания, даты пропаж. «Места, – мельком отметил Светлов, – знакомые. В основном Псковская область. Только Валентина, семнадцати лет, из Ленинградской области...»

Это что же выходит: последние два месяца на Псковщине активно действует серийный маньяк? Почему же о нем никто ничего не знает? Или знают, но молчат? Не те времена... Журналисты давно бы расписали в красках каждый труп, дай лишь повод.

Значит не маньяк, а кто? Или что?

2.

Телефонный звонок вернул Светлова к текущим делам.

Борис Евгеньевич очень вежливо, он всегда вежлив, поинтересовался: а не забыл ли Светлов, какое сегодня число?

Число было двадцать второе, а день – вторник. И это означало, что именно сегодня на стол Борису Евгеньевичу должен попасть отчет за вторую декаду июня...

С начала месяца Светлов изучал милицейские сводки, выискивая случаи достаточно специфичного мошенничества. Заодно просматривал газетные рекламные объявления и интернет-сайты соответствующей тематики. Главным объектом разработки Конторы стала некая целительница и ясно-видящая Галина, обладательница роскошного диплома Гамбургской академии астральных наук и скромно оформленного свидетельства о праве заниматься индивидуальной предпринимательской деятельностью... А суб-аналитик Светлов прорабатывал побочные аспекты проблемы.

– Совсем обнаглели, – сказал Борис Евгеньевич, поручая ему разработку. – Уже и не маскируются.

– Может, шарлатанка?

– Галина как раз не шарлатанка... Пока ни в чем криминальном не замешана, но... Под нее многие работать пытаются, сам посмотри.

Борис Евгеньевич передал Светлову пачку газетных выре-

зок. Тоже чей-то кропотливый труд. Не сам же глава отдела резал желтую прессу в поисках рекламы колдунов и экстрасенсов.

Отсеять явных шарлатанов и поручили Светлову.

3.

Отчет был практически готов, на исправления в черновике ушло полчаса.

Внимания заслуживали лишь два целителя, пользующихся непонятными, но действенными методиками, и еще один любопытный персонаж: практикующий колдун и по совместительству писатель-эзотерик, позиционирующий себя на рынке как «бокор» (проще говоря – жрец) вуду, якобы получивший посвящение на «Святом острове» (проще говоря – на Гаити).

Во всех остальных случаях даже из терминов, используемых в рекламных текстах, было видно – люди понятия не имеют о вещах, знатоками коих себя объявляют...

Милицейские сводки тоже помогли. Как их копии попадали в Новую Инквизицию, Светлова не интересовало. Главное, что попадали. Полные и свежие. Зачастую жертва очередного колдуна, расставшись с энной суммой и ничего не получив взамен, направляла стопы в родную милицию.

Зато вуду – вполне серьезно. Каким ветром знатока мрачного культа занесло в Россию? А вот это по наводке анали-

тического отдела и проверят оперативники Новой Инквизиции. Если сигнал верный, аналитику плюс.

Но некий аналитик, между прочим, задерживает отчет...

4.

Ковалев просмотрел документ быстро, вполглаза.

– Неплохо, неплохо... Но с вудуистом ты ошибся. Взгляни, пришел ответ от коллег с Гаити...

Протянул бумажный лист и, не выпуская из рук, действительно позволил только *взглянуть*, – Светлов успел прочесть всего пару строк:

Hello! To the best of my knowledge, Paul Gros is no «bokor». He certainly has not been initiated. Much of what he writes is nonsense...

– В общем, никакой он не «бокор», – прокомментировал Борис Евгеньевич. – Мало того, что самозванец, так еще и профан полный, валит всё в одну кучу, путает Ошала и Эшу, Осайе и Ошоси...

– Так что же, пусть резвится дальше? – не понял Светлов. – Он же на своем сайте чуть ли не в открытую предлагает услуги по инвольтации...

– Проведем профилактику... Дезавуируем его писульки комментариями специалистов, нажмем на нужные кнопки в издательствах, устроим пару-тройку жизненных неприятностей, как Кашпировскому в свое время. Взвоят «бокор»

от такой жизни и займется чем-нибудь полезным. – Ковалев вздохнул. – Кашпировский, правда, не занялся... Но и в Россию ему с его шоу дороги нет и не будет.

Борис Евгеньевич аккуратно сложил листки отчета, убрал в папку... Светлов понял, что разговор завершается. И торопливо спросил:

– А что, на Гаити тоже есть *наши*?

– Ну, скажем так: одна штатовская организация схожего профиля ведет там работу... Их главная тема – негритянский вудуизм, приходится добираться до первоисточков.

«Неужели ку-клукс-клан?» – подумал Светлов. Из некоторых обмолвок коллег можно было сделать вывод, что Контора поддерживает отношения с этой организацией – которую так любили оплевывать и поливать грязью советские СМИ...

5.

Вернувшись к себе, Светлов снова придвинул лист с женскими именами и фамилиями.

Потом потянулся за записной книжкой.

Десять лет прошло, не сменился бы номер телефона...

– Можно Соню?

Молчание, воцарившееся на другом конце провода, заставило Светлова обругать себя: «Умнее ты ничего не придумал: попросить к телефону пропавшую без вести».

– Кто спрашивает?

Голос старческий... Кажется, у Сони была весьма властная бабуля.

– Это ее знакомый. Еще со школы. Саша Светлов, может быть, помните меня?

– Саша... А... помню, помню. Помню, как Сонька по тебе убивалась. Сменял мою внучку на ту... как ее звали-то? Училась с вами...

– Бабулечка, так как мне с Соней поговорить?

– С Соней... А ить не живет она тут. Давно уж. Снимает Сонечка квартиру. – В тоне собеседницы чувствовалась обида. – А почему? Здесь комната хорошая у нее... ну ясно, зачем ей со стариками-то...

– Давно видели ее?

– Да приходила тут намедни, торт принесла. Нет, чтоб самой испечь, покупает, деньги тратит...

– Бабушка, вы извините Бога ради, но я по межгороду звоню. Вы мне ее телефончик не дадите?

Оплата телефонных счетов Новой Инквизиции заботила Светлова в последнюю очередь. Но на экономную пенсионерку аргумент произвел впечатление – спустя пару минут Светлов записывал цифры. Телефон оказался сотовым.

Из данного факта вытекало два вывода.

Во-первых, якобы пропавшая Соня Немирова жива и здорова, по крайней мере, была жива и здорова пару дней назад, а во-вторых, хорошо устроилась, раз хватает денег и на съемную квартиру, и на сотовый. Конечно, в Питере к предпо-

следнему году тысячелетия мобильник перестал быть непременным аксессуаром лишь богатых бизнесменов, но в Великих Луках до сих пор остается «буржуинской» роскошью...

Странно... Помнится, поступала Соня в медучилище... А размер зарплаты провинциальных медиков не знает только слепой и глухой.

Удачно вышла замуж?

Или занялась бизнесом? Вроде бы не было никакой к тому предрасположенности – у той Сони, что он помнил...

Светлов собрался набрать новый номер, но зазвенел его телефон.

– Зайди ко мне, – голос Бориса Евгеньевича звучал сухо.

Не пытаясь угадать, зачем вновь понадобился куратору, Светлов прихватил лист бумаги, ручку, – и направился в начальственный кабинет.

Помимо Бориса Евгеньевича, там сидели еще два человека, Светлову незнакомых.

– Вот, познакомьтесь, – Ковалев указал рукой на подчиненного, – новый аналитик, Александр Светлов. Он из тех краев, должен ориентироваться на местности. Да и ему полезно поработать в команде.

Светлов пожал протянутую ему руку.

– Стриж, – представился худощавый высокий парень.

Темноволосый мужчина лет тридцати ограничился коротким наклоном головы.

– Алладин, – отрекомендовался он.

Из оперативного отдела, понял Светлов. Может не наши, из центра или из другого филиала, – но в любом случае оперативники. Лишь они – даже среди своих – пользуются исключительно псевдонимами.

Затем он заметил на столе Бориса Евгеньевича знакомые листы – но уже не два, а не меньше десятка... И заподозрил, что «позабытые» страницы вылезли из принтера не случайно. И не случайно в верхней строке стояло имя Сони Немировой...

– Алладин, – сказал Ковалев, – введи нас еще раз в курс дела. Можно кратко. А ты, – Борис Евгеньевич обернулся к Светлову, – потом сам считаешь все материалы. Допуск я тебе подпишу.

– Ситуация странная, – начал Алладин. – На первый взгляд дело отношения к Конторе не имеет. Формальных поводов затевать расследование нет...

– Иногда, – перебил его Ковалев, – отсутствие формального повода лишь означает, что следы хорошо замаскированы. Причем, лицом прекрасно осведомленным о... хм... формальных поводах. И если мы будем сидеть и ждать пока нам преподнесут набор улики... Итак?

– Мы действовали, исходя из тех же соображений, – холодно сказал Алладин. – По области наблюдается странный скачок количества пропавших без вести. Средний показатель по Псковской области за май-июнь выше среднестатистического в три с половиной раза. Именно это и привлекло

внимание. Даже если исключить сопредельные территории. Хотя два аналогичных случая мы зафиксировали в Ленинградской области...

– Двое пропавших? – удивленно переспросил Светлов. – Что в этом необычного?

– Не торопитесь, я все объясню. Восемьдесят семь процентов пропавших – женщины, средний возраст двадцать один год. Есть несколько четырнадцатилетних девочек и пара женщин за тридцать. Но в основном это молодые девушки.

– Сколько их всего пропало по области? – спросил Ковалев.

– За месяц – сорок семь человек. Но нас заинтересовали не пропавшие, а найденные. Шесть из Псковской области, двое из Ленинградской.

– Все женщины?

– Да.

– Места обнаружения трупов зафиксированы? – нарушил молчание Светлов. Дело представлялось интересным.

– Трупов? – переспросил Алладин. – Нет трупов, в чем и дело! Все найденные живы и здоровы.

С одной из живых и здоровых, похоже, Светлов когда-то водил знакомство...

– А остальные?

– Про остальных ничего не известно, – подал голос Стриж. – Сейчас по ним работают.

Светлов не мог взять в толк, что именно привлекло внимание оперативного отдела. Пропавшие женщины – факт, конечно, криминальный. Но от него должна болеть голова у местных милицейских чинов... Очевидно, были еще какие-то странности, заинтересовавшие оперативников. Но после своего дурацкого вопроса о трупах он решил подождать с дальнейшими уточнениями.

Алладин продолжал:

– Так вот, восемь женщин... По ним тоже возбуждались розыскные дела, но все потеряшки нашлись. Все, как одна – спустя десять-двенадцать дней после исчезновения. Выходили к деревням, поселкам – к людскому жилью. Обнаженные, в невменяемом состоянии. Что с ними приключилось – толком рассказать не могли. Реагировали неадекватно. Говорили, что заблудились в лесу, ничего плохого с ними не произошло, никто не обижал... А больше ничего не помнят.

– Обследовали? – кратко спросил Ковалев.

– Увы, нет. Мы – нет. Спустя пять-шесть часов жертвы... хотя, собственно, какие они жертвы? – полностью приходили в себя. И отправлялись по месту жительства. А милиция с чистой совестью закрывала дело.

– Любопытно, – сказал Борис Евгеньевич.

– Но самое интересно не это, – взял слово Стриж. – Вот, полюбуйте.

Он достал из своей папки подробную карту Псковской области.

– Вот здесь синим отмечены места, где нашлись наши красавицы.

Если соединить разбросанные точки, то фигура получится более чем замысловатая, – понял Светлов. И определить ее геометрический центр не так-то просто...

– Что скажешь, Светлов? – в голосе Бориса Евгеньевича Александру почудилась легкая насмешка.

– Нужно подумать, – невозмутимо отозвался Светлов. Не надеется же его начальник, что он с ходу выдаст рабочую версию. – Болота там глухие... И леса. Деревень почти нет. Я был как-то в Озерцах – то еще место.

– Подробнее – что за болота?

– Что может быть на болоте? Вода, мох, клюква... Дорог почти нет... Строевого леса мало, лесоразработки не ведутся. Кое-где торф добывают. Есть пара мест посуше, даже вроде скальные выходы неподалеку...

– Неконструктивно излагаешь, Светлов, идей не слышу.

– Возможно, имеет смысл встретиться с кем-то из пропавших и найденных? – предложил Светлов. Мысленно добавил: «И, пожалуй, я знаю – с кого начать».

– Это работа оперативников, Александр, – сказал Борис Евгеньевич, – топтаться по чужой территории я тебе не дам. Другие идеи есть?

– А раньше подобные случаи происходили?

Светлов заметил, как Алладин и Ковалев переглянулись.

Ответил Стриж:

– Случалось нечто подобное... Двадцать семь лет назад. Но данных мало. Проверяем кое-что.

– А еще раньше?

– Говорю же, проверяем. Времена были другие...

– Об этом потом, – прервал их Борис Евгеньевич. – Еще варианты?

– Когда начались пропажи и находки? В мае? И девушки выходили из леса голые? Холодно...

– В мае два случая. Остальные в июне.

– Надо думать, что это будет продолжаться и дальше...

Нашим специалистам нужно обследовать нашедшихся девушек. И точно узнать, что с ними происходит.

– Постараюсь обеспечить, – кивнул Борис Евгеньевич. – Ладно. Стриж, отдай Светлову все материалы... И архивные тоже, что успели раскопать. Александр, твоя задача: свежим взглядом всё просмотреть. Что за сексуальный маньяк там завелся? Составим задание, пошлем оперативников. Все, идите.

6.

– Держи, Саня, – Стриж протянул папку.

– Лучше Александр, – сообщил Светлов. – А откуда у твоего начальника такой псевдоним? С востока к нам перевели?

Стриж бросил быстрый взгляд по сторонам и ответил после короткой паузы:

– На волшебную лампу намекаешь? Нет, тот паренек Аладдином был, через два «д», а у шефа другая история... – Он еще раз оглядел пустынный коридор и неожиданно сменил тон:

– Ты в кабинетах такие вопросы никому не задавай, хорошо? Да и здесь не стоит... По делу неясности есть?

– Почему именно маньяк? – вспомнил Светлов последнюю реплику куратора. – Их что, насильовали?

– Знаешь... Александр, – Стриж грустно усмехнулся, – бабы обычно не имеют привычки расхаживать по лесу голышом. По крайней мере, мне такие не попадались.

Спустя десять минут Светлов устроился за своим столом и раскрыл папку. Материалов оказалось не очень много. Светлов отметил – судя по бессистемной нумерации листов, бумаги первоначально были подшиты в разные дела...

Хотя к чему вся бюрократия и бумажная возня? – подумал он. Зачем нумеровать и прошивать документы? Все равно предъявлять их для ознакомления никому не придется. Ни подозреваемому-обвиняемому, ни его адвокату, ни судье.

Потому что нет у подозреваемых Инквизицией адвокатов. И прав никаких нет. В том числе и на суд. И никто их не обвиняет. Их уничтожают...

Этот аспект новой работы Светловым поначалу воспринимал болезненно.

Трудно отказаться от вбитых в голову аксиом.

И не только аксиом. От ставших уже привычными поня-

тий – презумпция невиновности, справедливый суд. С одной стороны, конечно, смешно звучит, – насчет справедливости наших судов... Но когда суд (какой бы ни был, но суд) заменяется простым приказом о ликвидации – это принять сложно.

Борис Евгеньевич быстро нашел способ излечить Александра от излишнего идеализма...

«Так, воспоминаниям мы предадимся в более подходящее время, – одернул Светлов сам себя. – Не отвлекайся».

Сверху в папке лежала распечатка, два листа из которой Светлов уже видел. Всё, что излагали на совещании Алладин и Стриж: ничего нового, можно быстро просмотреть. Далее... Статистические данные, милицейские сводки с заботливо отмеченными в тексте местами, на которые стоит обратить внимание, – интересно, но не слишком информативно.

Самой любопытной в папке оказалась пара ксерокопий статей из газеты «Заря Пскова» от 29 июля и 17 сентября 1972 года. В первой сообщалось, что две девушки, Светлана Мальцева и Ольга Печорнина, ученицы 10 класса псковской школы №12, 8 июля 1972 года были задержаны местным участковым за непристойное поведение – в минимуме одежды разгуливали по деревне Щелицы, где гостили у родственницы Мальцевой. «Минимум» – выразился журналист. Понимай, как хочешь...

«Надо полагать, – решил Александр, – голыми они ходили. Как и нынешние».

Девушки объяснили свое вызывающее поведение тем, что отмечали ночь Ивана Купалы. «Лучше бы эти школьницы направили свою энергию на что-то более конструктивное и приносящее пользу обществу», – делал вывод автор статьи и риторически вопрошал: куда же смотрит комсомольская организация?

Комсомольская организация смотрела куда надо – в следующей статье (напечатанной в рубрике «По следам наших публикаций») сообщалось, что девушек исключили из ВЛКСМ, и в отношении их было возбуждено уголовное дело по статье 206 УК РСФСР, но закрыто ввиду малолетства и искреннего раскаяния.

Вот и первое задание для оперативников – установить, где сейчас проживают Света и Оля, чем занимаются...

...Александр потянулся к компьютеру, запустил программу с подробнейшей картой Российской Федерации.

Итак, все по порядку...

Сначала отметим всех пропавших. Потом сверим с информацией Стрижа. Может, найдется еще что-то, заслуживающее внимания...

Интересные дела получаются... Очень интересные.

Двенадцать из Пскова, – понятно, областной центр. Семь из Великих Лук, в том числе Софья Немирова и самая младшая из пропавших – четырнадцатилетняя девчушка, Лена Иванова. Тоже объяснимо – город по местным меркам большой.

Остальные проживали в самых разных больших и малых городах и селах. Порхов, Остров, Плюсса, Дно, Карамышево, Невель, Локня...

Поговорить бы с девицами – по отдельности с каждой. Глядишь, что и всплывет...

Но шеф выразился более чем ясно – топтаться по чужой территории он не позволит. Под чужой территорией подразумевается работа оперативного отдела, разумеется. А действовать вопреки прямому указанию куратора – чревато.

Отметим задание номер два – уточнить: знакомы ли девушки между собой?

Светлов откинулся на спинку кресла, продолжая рассматривать карту на экране.

Двадцать шесть отметок.

Каждая – чья-то жизнь.

Откровение на Светлова не снизошло. И никакой системы в расположении точек он не уловил.

Теперь отметим тех, кто нашелся. Софья Немирова, конечно; две девчонки из Черновского. Отлично, вместе пропали, вместе нашлись. Наверняка знают друг друга.

Сергеева Ольга из Карамышево, двадцати двух лет, Невель – Игнатова Татьяна Валентиновна, двадцать семь лет, сама старшая из списка.

А вот и места появлений...

Все населенные пункты до одного – деревни по окраинам болота Черный Мох. С запада и востока. Дальше всех от-

стояли Щелицы – на юге. К Котельно вышли двое... С чего бы это? А, понятно. Оно ближе всего. Хотя нет... Ближе всех деревня Беленькая. Но там нет точек выхода. А на севере? Тоже никто не выходил... Наверное, болота там и вовсе непроходимые...

Светлов продолжал работать, размышляя о том, что может объединять восемь человек разного возраста и социального положения? Что у них общего?

Только пол.

Похоже, версия начальника, которой тот небрежно поделился – самая перспективная...

7.

– Ну что, как твой протеже? Заглотил наживку? – Голос в телефонной трубке звучал спокойно. Не равнодушно – спокойно. Так и должен звучать голос опытного руководителя.

– Пока сложно сказать, – Ковалев побарабанил пальцами по столу. – Слишком мало времени прошло.

– Как это мало? Борис, парень у тебя больше полугода. Пора бы разобраться, – в голосе слышалось не раздражение, а лишь легкое сожаление.

– Да, но большая часть времени ушла на обучение. У него особая программа. Мы это уже обсуждали.

– Мне нужна определенность.

– А мне время. И ему тоже.

– Время у вас было. Ты же знаешь о причинах интереса.

– Естественно. Но и вы поймите меня. Я не могу гарантировать ничего. Об оперативной работе с ним не было речи. И я не уверен, что этот человек нам подходит.

– А что с его способностями?

– Я докладывал вам, – сухо ответил Борис Евгеньевич. – Задатки редкостные, но первые результаты не блестящие. Далеко не блестящие.

– Ну, смотри, тебе видней. Но имей в виду, что оперативный отдел требует к себе Светлова всё более настойчиво. Сам знаешь, как у них ценятся суггесторы... Тем более что аналитик, извини, из него никакой... Ты понимаешь, о чем я?

– Понимаю. Но форсировать события не рекомендую.

– Твои рекомендации учтены, – начальственный голос помолчал, затем продолжил: – Если будет нужна помощь – ты ее получишь. – В финале прозвучала необходимая твердость, и уверенность в компетенции собеседника.

– Я понимаю.

Борис Евгеньевич опустил телефонную трубку на рычаг.

Подбор кадров – дело деликатное. Особенно в Конторе... Особенно в оперативный отдел... Не каждый человек в состоянии принять тот факт, что среди нас живут существа, порой очень – не отличить – похожие на людей. Живут, убивая, – и для них это не преступление, просто способ существования... И можно с ними делать лишь одно – уничто-

жать. Уничтожать без страха, без колебаний, без жалости. Но – в идеале – и без ненависти... Смешно и глупо ненавидеть комара за то, что пьет кровь – устроен так, не способен жить иначе. Обойтись без ненависти к телятнику, неспособному прожить без мяса жертв, куда труднее...

И зачастую кураторам приходится сознательно культивировать ненависть в подопечных. Потому что нет иного способа дать в руки человеку оружие и послать в бой...

Светлов в этом плане сюрпризов не преподнес. С такой типичной реакцией Ковалев сталкивался не раз. Когда Александр пришел на очередную беседу с куратором в подавленном состоянии, которое пытался безуспешно скрыть, – тот понял, в чем причина. Тем более что программа общего курса была Борису Евгеньевичу известна досконально. Подопечный наконец узнал – ЧЕМ, КЕМ и КАК занимается Новая Инквизиция...

В ту их встречу не было ни разговоров, ни вопросов, ни споров.

Была экскурсия.

Можно сказать – ознакомительная. Посмотреть на тех, кого удалось доставить в спецотделение Трех Китов живьем.

А также на материалы, зафиксировавшие то, что осталось от их жертв.

И постоянный, словно рефрен, вопросы: ты считаешь, что они имеют те же права, что и люди? Ты считаешь, что они имеют право на жизнь?

Вот этот, специализировавшийся исключительно на беременных, – добывавший плод, не убивая мать – она умирала потом сама. От кровопотери.

Имеет?

Или этот – сжигавший пятилетних мальчиков. Пепел входил в состав его колдовских зелий...

Имеет?

Или этот – питавшийся исключительно мозгом жертв...
Еще живых жертв.

Имеет?

И тот, и тот, и тот...

Программа экскурсии была рассчитана не на одного Светлова, обкатывалась до него на многих – и впечатление шло по нарастающей. Так, чтобы экскурсанту казалось: ничего страшнее и омерзительнее быть уже не может, – и тут же выяснялось: может! Еще как может...

А укрытые в стенах видеокамеры подробнее фиксировали реакции испытуемого – микромимику, вазомоторику. Потом лучшие специалисты-психологи изучали записи и решали: появится у Инквизиции новый солдат, или...

Неправильных вопросов Светлов после экскурсии больше не задавал... Но мнение психологов о его профпригодности оказалось неоднозначным.

Глава 5. ПУТЬ ПРОФЕССИОНАЛА – III

Лесник, г. Сланцы, 27 июня 1999 года

1.

Как и ожидалось, спецы из Трех Китов, прикатившие в сопровождении группы оперативников Северо-Западного филиала, ясности в дело не внесли. Образцы жидкой субстанции, взятые из ванной, никак не позволяли определить, что же за существо разложилось до такой степени. В скелете отклонений от нормы не обнаружилось.

Ученые мужи поглядывали на Лесника неприязненно – словно подозревали его не то в мистификации, не то в злонамеренном уничтожении ценнейшего трофея... В общем, ничего удивительного.

Удивило другое – реакция на произошедшее обер-инквизитора. Лесник не был, как того ожидал, вызван пред его светлые очи для получения начальственного разноса. Напротив, именно к нему во временное подчинение угодили и эксперты, и оперативники Северо-Западного филиала.

Возможно, сей широкий жест предвещал в случае вторичного провала кары куда более суровые – нехваткой личного

состава уже не оправдаешься...

В любом случае, неожиданно представившиеся возможности стоило использовать с максимальной эффективностью.

И Лесник использовал.

Главным предметом расследования стали личности двух мужчин, столь странным способом покончивших с собой при задержании. Все наличные силы были брошены на решение задачи: выяснить – кто они, откуда, и какая неведомая организация стоит у них за спиной. На самодеятельность одиночек произошедшее никоим образом не походило...

2.

– Фотография переклеена, – сказал Лесник, вертя в руках паспорт, найденный у одного из мужчин. – Да и не выглядит мужик на тридцать один год. Явно на шесть-семь лет старше...

Второй паспорт, внешне не столь подозрительный, тоже оказался фальшивкой. Люди, чьи имена значились в документах, тихо и мирно проживали по адресам, указанным на странице с регистрацией места жительства (один в Подмоскowie, второй – в Смоленской области), – и оба в течение минувшего года заявляли в милицию об утере паспортов.

Иных удостоверявших личность документов у загадочных мертвецов не нашлось. Равно как и записных книжек, сотовых телефонов, визитных или кредитных карточек... короче

говоря, хоть чего-нибудь, способного дать зацепку.

Карманы были вызывающе, демонстративно пусты: кроме паспортов – две расчески, небольшая сумма денег (без бумажника либо кошелька), пачка сигарет да зажигалка.

И еще оружие, столь неудачно примененное против Лесника – нож и пистолет Макарова.

Номер на ПМ был старательно удален напильником, однако *пробивка* результатов контрольного отстрела в Федеральной пулегильзотеке подтвердила: оружие находится в розыске. Но делу эта информация ничем не помогла – пистолет был изъят у банковского инкассатора, убитого в ходе разбойного нападения полтора десятка лет назад. Преступление так и не раскрыли...

Наверняка шпалер сменил с тех пор нескольких владельцев – люди, связанные с криминалом, «горячие» стволы предпочитают не хранить... И все-таки двое оперативников отправились в Смоленск (именно там погиб инкассатор) – покопаться в старом уголовном деле. Вдруг да найдется какая ниточка.

Нож поведал еще меньше о личности своего покойного владельца. Финка-самоделка с наборной трехцветной рукоятью. Умельцев, тачающих подобные игрушки, на Руси предостаточно.

Отпечатки пальцев таинственной парочки нигде и не по какому поводу не засветились... Тупик.

Оставался небольшой шанс – попытаться проследить в

обратном порядке путь женщины-мутантки и ее сопровождающих. Лесник запомнил вагон, из которого они вышли на перрон. Выяснить фамилию проводника оказалось делом несложным. И следующим же вечером Валерий Анатольевич Селиванов, пятидесяти двух лет отроду, был тихо и незаметно изъят из вверенного его попечению вагона; поезд Гдов— Санкт-Петербург укатил из Сланцев без него...

3.

Прикомандированный к группе суггестор, носивший псевдоним Скрипач, Леснику активно не нравился. Оказался он сутулым худосочным парнем лет двадцати пяти с нервными, подергивающимися движениями... Да еще и с хроническим насморком. Да еще и заикался. Однако – сотрудник оперативного отдела Северо-Западного филиала. Оперативник...

Ничего не поделаешь – крайне редко встречаются люди, обладающие способностями и к активной бесконтактной суггестии, и к оперативно-следственной работе. Сам Лесник в Академии старательно изучил теорию гипноза и успешно прошел все лабораторные практикумы – но обладал лишь возможностями средней руки эстрадного гипнотизера. То есть мог вводить в транс достаточно восприимчивых к внушению людей, к тому же добровольно согласных подвергнуться гипнозу, – вводить классическими методами, с ис-

пользованием монотонных слов и ритмично движущихся блестящих предметов.

Костоправ имеет примерно те же навыки, вдобавок умеет обнаруживать в сознании людей следы чужой воли, следы суггестии – но отнюдь не способен стирать гипнограммы и убирать гипноблоки...

А этот хлюпающий носом недомерок несколько мгновений молча смотрел в глаза проводнику – и клиент готов к допросу.

Дело свое парень знает, нет сомнений, но... Но в серьезном и опасном расследовании Лесник предпочел бы обойтись без такого соратника.

«Однако сегодня Скрипачу пришлось играть первую скрипку на допросе», – мысленно скаламбурил Лесник. Селиванов при первых же вопросах явственно испугался и замкнулся: не видел, не слышал, не знаю, не помню... А проведенные Костоправом тесты выявили сильнейшую аллергию к «правдорезу».

– Г-г-г-где они подсели? – с трудом выговаривал вопросы Скрипач.

Лесник матерился – опять же мысленно. Костоправ держал шприц в руке, готовый сделать инъекцию при малейшем намеке на судороги шейных мышц. На всякий случай...

Из допроса, идущего через пень-колоду, наконец выяснилось: женщина и двое мужчин в черных кожаных куртках подсели в поезд на крохотной станции Слудицы, неподалеку

от Гдова. Билетов у них не было, заплатили проводнику. Никто загадочную троицу не провожал, по крайней мере Валерий Анатольевич провожающих не заметил. Сидели в купе тихо, по коридору не ходили, за чаем либо бельем к Селиванову не обращались...

Несмотря на все косноязычные старания Скрипача, большего от проводника добиться не удалось. Можно было бы и заканчивать, но Лесника заинтересовал вопрос: чего так испугался Селиванов в начале разговора?

Выяснилось, что не так давно Валерий Анатольевич работал на другом, более престижном маршруте: Санкт-Петербург—Калининград. И за невеликую мзду провозил через погранпункт в Пыталово кое-какие вещички пассажиров. Никакого, упаси Господи, криминала – просто российских граждан, мирно едущих из одного российского города в другой, таможенники-прибалты тиранят как могут, ссаживают с поезда под любым предлогом. Мстят за годы «оккупации», не иначе... А патриот-Селиванов помогал согражданам.

Но однажды оскоромился – очень уж нуждался в деньгах для ремонта машины. И провез для двух типов кавказской наружности в Калининград ящик – зеленый, тяжелый, с армейской маркировкой... Всю дорогу дрожал как заяц и в мыслях не имел полюбопытствовать содержимым. Кавказцы расплатились честно и сказали, что при нужде будут еще обращаться к Валерию Анатольевичу. Но он провёл несколь-

ко бессонных ночей в размышлениях: в кого выстрелит или где взорвется доставленный им груз? – и написал заявление о переводе на провинциальную линию, не дающую особых возможностей заработать...

После короткого раздумья Лесник решил не связываться с ФСБ и не сливать чекистам информацию про горе-контрабандиста. Натерпевшись этакого страха, Селиванов ни в какие авантюры больше не вяжется, а оружие, в конце концов, попало не в Россию, а за границу.

Допрос завершился установкой мощного гипноблока: теперь Валерий Анатольевич будет свято уверен, что допроса не было, что отстал он от поезда по собственной небрежности, выскочив затариться в ночном ларьке пивом с целью перепродажи пассажирам.

Будет уверен – если, конечно, с его памятью не поработает суггестор достаточно высокого уровня... В позиции ликвидаторов безопасности, утверждавших, что самый надежный гипноблок в мозгу клиента это свинцовая пуля, – имелась своя логика.

4.

На рыбалку они все-таки выбрались – спустя три дня, и в первоначальном составе группы: Лесник, Костоправ и Слава Ройтман. Выехали на Плюссу, в живописнейшее местечко на высоком берегу, километрах в двадцати от города выше по

течению. Ничего здесь не напоминало об отравившем всю округу сланцеперабатывающем комбинате – чистый воздух, птицы поют, кузнечики стрекочут... А кусты, деревья, трава, – нормального зеленого цвета.

Что еще нужно, чтобы хоть на один вечер позабыть об изматывающей работе?

Однако не сложилось...

– Не клюет, – доложил Ройтман, сходявший проверить заброшенные в реку донки. – Жара... Разве только на зорьке что стоящее зацепится. Но вообще-то в Плюссе рыбы хватает. Раньше, до того как Нарвскую ГЭС построили, даже лосось сюда заходил с моря...

Он помолчал и добавил:

– А истоки Плюсы как раз в Псковской области. И город одноименный там же. Могли бы эти... воднодышащие, сюда и по воде добираться. Вернее, под водой...

Термин «русалки» Слава старался не употреблять. По его глубокому убеждению, русалка без заменяющего ноги рыбьего хвоста не имела права на такое название. Лесник, прослушавший в Академии объемистый курс о существах мифических и лишь считаемых таковыми, объяснял: хвост есть неременная принадлежность западных сирен и ундины – а мавки, лоскотухи, берегини и лобасты нашего фольклора передвигаются по берегам как раз при помощи ног. Как бы, интересно, взгромоздилась на дуб пушкинская русалка, будь она хвостатой? Объяснения помогали слабо, Ройтман оста-

вался при своем мнении.

Костоправ, укладывавший в мангал березовые полешки, отнесся к полушутливой версии младшего коллеги вполне серьезно:

– А сопровождающие как? С аквалангами? Далековато, никаких баллонов не хватит...

И они начали оживленно обсуждать возможные способы совместных подводных путешествий людей-амфибий и людей обыкновенных.

Лесник в разговор не вступил, но при упоминании Псковской области помрачнел. Проверка Слудиц, как и ожидалось, результата не принесла. Ничего подозрительного в крохотной деревушке не обнаружилось. Равно как и во Гдове – городке весьма древнем, чья бурная молодость проходила в пору ожесточенных баталий русских витязей с немцами-креstonосцами. Ныне же Гдов превратился в крохотный и ничем не примечательный райцентр Псковской области...

Большой части группы (эксперты возвращались в распоряжение Северо-Западного филиала) предстояло перебазираться в Псков и начинать тщательную проработку региона – не имея понятия, что, собственно, они ищут. Ловля черной кошки в темной комнате...

А Славе Ройтману больше не бывать резидентом третьего ранга в заштатном городке Сланцы. В последние дни парню довелось узнать слишком многое, выходящие за рамки его допуска. Промывкой памяти дело не обойдется... Об этом

Лесник и завел разговор чуть позже, когда начал подрумяниваться шашлык:

– Теперь у тебя одна дорога, Слава – в Академию. Пиши рапорт, не откладывая, завтра с утра. Рекомендации мы с Костоправом дадим...

– А я думал... что вместе дело о водяных тетках закончим, – разочарованно произнес Ройтман.

– Извини, но для такой работы нужны профессионалы, – жестко сказал Лесник. – Закончишь обучение – похожих дел у тебя будет с избытком, поверь. Волком еще от таких историй взвоешь...

Что до выпуска доходит меньше четверти курсантов Академии, Лесник говорить не стал. И что нынешнее их дело, похоже, надолго подвисло, – тоже не стал. У Славки есть все шансы стать толковым оперативником, а если удачно перенесет СКД-вакцинацию – то и полевым агентом.

– В Академию так в Академию, – не стал спорить Ройтман. Поднялся и вновь отправился проверить снасти.

– Не завидую ему... – вполголоса сказал Костоправ. – Как вспомню «клятву на клинке»... Бр-р-р...

Лесник тоже помнил... Пресловутую клятву будущие оперативники приносили на окровавленном Дыевом ноже, которым только что – собственноручно и в одиночку – приводили в исполнение приказ о ликвидации.

– Мне ведь девчонка попалась, – продолжал вспоминать Костоправ. – На вид лет шестнадцать... Некровампирша.

Красивая... Поневоле засомневался – вдруг какая ошибка закралась? Дела-то осужденных полистать дают лишь после того, как...

Он замолчал. Лесник не стал допытываться, чем закончилось то испытание. Коли уж Костоправ сидит тут, рядом, – понятно, чем... Спросил о другом:

– Ну и что вычитал в деле *потом*? Наверняка красотка оказались вдвое старше, чем выглядела. И трупы, уверен, на ней висели гроздьями.

– Сорок семь лет... – кивнул Костоправ. – Полсотни доказанных эпизодов, девятнадцать из них – со смертельным исходом, все тесты положительные... Но это ведь всё потом! А тогда как взглянула на меня, улыбнулась жалобно... Потом текст клятвы мне в руки – я-то сдуру раньше не понимал, для чего, и так все на зубок знают. Теперь понимаю – сам по бумаге едва зачитать смог, едва слова не перепутал... Руку пожимают: добро пожаловать в строй, пес Господа! А у меня перед глазами картинка застыла: взгляд ее последний и кровь, изо рта хлещущая... В голове одна мысль вертится: «Да нужны ли Господу псы?!»

Лесника, хоть и был полным атеистом, всегда несколько коробило это название: псы Господа... К тому же он знал, что любой солдат Русской Инквизиции – старой, церковной – яростно открестился бы от такого прозвища. Какие еще псы? Так пусть именуют себя папские еретики, доминиканцы-инквизиторы, христианину истинному, православному, –

не к лицу. Однако в новые времена кто-то пустил выражение в оборот, – и прикипело, приклеилось...

– Ты еще не знаешь, какая ломка после СКД-вакцинации бывает, – утешил он Костоправа.

– Знаю. Видывал.

– Видеть мало, тут прочувствовать надо...

– Вполне возможно, еще доведется прочувствовать, – предположил Костоправ без малейшего оптимизма. – Если эксперимент признают успешным...

Вернулся Ройтман, гордо продемонстрировал двух снятых с крючков ершей, – и они торопливо скомкали разговор. Лесник сказал преувеличенно бодро:

– Закуска доспела! Доставай-ка стаканы, Слава!

И затем разговаривал исключительно о рыбалке – но машинально, не слишком-то вслушиваясь в рыбацкие байки...

В голове вертелось другое: что, если версия, легшая в основу их расследования, – ошибочна? И тайное захоронение в отравленном пруду никак не связано с появлением двоякодышащей женщины?

Они пришли к самому очевидному выводу: кто-то (предположительно – хорошо организованная группа) где-то (предположительно – в Псковской области) и с какой-то неясной целью проводит эксперименты по искусственной мутации. Либо взята под контроль мутация природная, стихийная. А отходы производства прячут подальше от места проведения опытов, в глухом углу Ленинградской области...

Но в этом логическом построении всегда оставалась возможность ошибки и случайного совпадения.

К чертям! – разозлился сам на себя Лесник. В кои-то веки выбрались отдохнуть – так отдыхай!

Покончив с застольем, они отправились к снастям уже втроем. Но и вечерняя прохлада не подвигла рыбу на активный клев. Ройтман, впрочем, не терял оптимизма и уверял, что на утренней зорьке они непременно возьмут реванш у подводных обитателей... У нормальных подводных обитателей, которым от природы положено иметь хвост и жабры.

Ветер к ночи стих. Сумерки наполнились негромкими звуками. И отнюдь не всегда можно было определить источник их происхождения – даже активизированным слухом полевого агента. Лесник поглядывал то на застывший колокольчик-сторожок, то на катящиеся мимо воды Плюссы. И думал, что ничуть не удивится, если сейчас в прибрежном камыше раздастся громкий всплеск, а затем послышится зазывающий девичий смех... Очень уж обстановка располагала. И тут...

Плеснуло – громко, в вечерней тишине вовсе оглушительно – у камышей, как раз там, куда поглядывал Лесник в своем иррациональном ожидании встречи с русалкой... Ему показалось, что он увидел огромный, невообразимо большой рыбий хвост – и тут же всё исчезло, лишь круги широко расходились по воде.

– Щука... Утятница... – восхищенно прошептал Ройт-

ман. – Килограммов десять, а то и все пятнадцать... Редко такие из ям на мелководье выходят... А вот мы ей ерша на жерлице подкинем...

Он торопливо рылся в своем рюкзаке с рыболовными прищиндалами.

«Конечно же щука, – подумал Лесник. – Всего лишь щука...»

5.

Утром они ехали обратно.

Костоправ вслух дивился сельскому пейзажу, действительно весьма странному: ограды скотных выгонов выглядели сюрреалистично – между столбиками были натянуты здоровенные полотнища толстой резины с густо прорубленными в них отверстиями. Причем отверстия имели форму подошв. Некогда город Сланцы славился на всю страну производством резиновых шлепанцев...

Курлыкнул мобильник Лесника. Он ответил и узнал голос старого знакомого – Алладина. Когда-то они вместе учились в Академии, но медики решили, что организм Алладина имеет противопоказания к СКД-вакцинации, и полевым агентом тот не стал.

– Как улов? – жизнерадостно поинтересовался Алладин. И продолжил, не дожидаясь ответа:

– Я приехал, тебя ищу, а господин Лесник, оказывается,

рыбку ловит.

– Уже наловились, подъезжаем... – ответил Лесник, удивившись про себя: каким ветром занесло коллегу в эти края? Алладин курировал в зоне ответственности Северо-Западного филиала Новгородскую и Псковскую области.

– Тогда давайте сразу на «аэродром». Я подвез кое-какие материалы, думаю, тебя заинтересуют.

Лесник удивился еще больше. Что же это за материалы такие, что доставляет их не обычный курьер, а заместитель начальника оперативного отдела?

Полчаса спустя все выяснилось.

– У тебя тут найденных девиц некуда уже складывать, – сказал Алладин, вручая Леснику толстую картонную папку и несколько CD-дисков. – А у меня с пропавшими проблема...

Затем началась работа – Лесник просматривал документы, Алладин давал необходимые пояснения.

– Откуда девицы исчезли, понятно, – констатировал Лесник. – Где объявлялись, живые или мертвые, – тоже. Вопрос в другом: что, где и как с ними происходило между начальным и конечным пунктами...

– Вот это вы с Костоправом и будете выяснять, уже на моей территории. Потому что оперативников филиал отзывает – хорошего, говорят, помаленьку. Ваша пара, дескать, экспериментальная – вот и продолжайте эксперимент в стартовом составе. При нужде ребята из Псковской резидентуры помогут.

Лесник пожал плечами. Не привыкать... Без сомнения, в Псковской области будут автономно работать и другие группы, – причем кое-кто из высшего начальства наверняка надеется, что успеха добьются именно другие, а не Лесник с Костоправом. Противников у идеи привлечения специалистов Трех Китов к оперативной работе хватает.

– Я слышал, тебе наш Скрипач не приглянулся? – спросил Алладин. – Не больно-то ласково ты его в отчете помянул.

– На безрыбье и рак рыба... – поморщился Лесник.

О чем тут говорить? Ясное дело, те из командоров и прочих высших чинов Инквизиции, что имеют сильные суггестивные способности, – не поедут в глухую провинцию снимать рутинный допрос... Да и не так уж их много в Конторе – Лесник знал Юзефа, еще троих-четверых. И всё...

– А у меня тут суггестор намечается – пальчики оближешь! – похвастал Алладин. – Вот выполнит пробное задание, даст клятву на клинке, и...

Он сделал паузу и закончил неожиданно мрачно:

– Одного боюсь – заберут его в распоряжение Капитула, а нам опять со Скрипачами всякими мыкаться.

Помолчал и спросил другим тоном:

– Правда, что ты тут русалку отловить сподобился?

– Что-то вроде того.

– Так не бывает же русалок! Миф...

Лесник не стал спорить.

Глава 6. ПУТЬ ДИЛЕТАНТА – III

Светлов, Псковская область, г. Великие Луки, 29 июня 1999 года

1.

Дышать прохладным, влажным после дождя воздухом было приятно. До назначенного времени оставалось полчаса – и Светлов решил пройтись до новой квартиры Софьи Немировой пешком.

Лужи высыхали на глазах, несмотря на то, что уже вечерело. Слишком сильная стояла жара. Природа, словно компенсируя холодную весну, в июне не поскупилась на солнечные дни...

Получить командировку в родной город Светлову оказалось совсем не сложно.

Четыре дня на прошедшей неделе были заполнены обработкой поступающей информации. Из милицейских сводок, из открытых источников, из агентурных данных. Окружение пропавших и объявившихся голышом девиц, их родственные связи, работа, контакты...

Постепенно кое-что стало выясняться.

Все восемь пропавших и обнаружившихся женщин в на-

стоящее время резко улучшили свой социальный статус. Кто-то получил новую работу, с высокой зарплатой, четверо вышли замуж, причем крайне удачно с материальной точки зрения. Три дамы открыли свои дела и, судя по всему, процветали; одна уехала за рубеж. Две девушки из Ленинградской области, которые, кстати сказать, действительно оказались знакомы, более того – учились в одном классе – отлично сдали все экзамены в школе. Собственно, что особенного? Ничего. Если не считать того, что десять предыдущих лет Валя и Вика слыли завзятыми троечницами...

Так что, как ни крути, а случившееся с «жертвами» событие ничем им не повредило. Даже наоборот.

Подобные случаи многократно описаны. Стресс активизирует все резервы организма, заставляет по-иному оценить и собственную жизнь, и свои способности; убирает ложный страх, – кому-то мешавший объясниться, наконец, в любви с приглянувшимся человеком, а кому-то – открыть свое дело.

Но разработка продолжалась. Потому что причина стресса оставалась неизвестной. И оттого настораживающей.

Ибо известны и другие случаи – когда у людей, выживших в запредельно критической ситуации (например, после удара молнией), открываются способности и возможности, нормальным людям не свойственные... И использовать на практике их можно по-разному... Одни уникалы безобидно удивляют народ, читая кончиками пальцев письма в запечатанных конвертах или удерживая «прилипшие» к груди ме-

таллические предметы. Другие же пытаются применить свои паранормальные свойства в криминальных целях – и становятся клиентами Конторы.

Честно говоря, Светлов считал, что Инквизиция перестраховывается и понапрасну растрчивает силы и средства, пытаясь удержать под наблюдением *всех* паранормалов. Молотком ведь тоже можно забивать гвозди, а можно и проломить череп, – не повод, чтобы продавать молотки по лицензиям, как оружие...

2.

Светлов сам пришел к Борису Евгеньевичу с идеей: поехать в Великие Луки и встретиться с Софьей Немировой на правах старого знакомого. Возможно, школьному приятелю она расскажет больше, чем работникам милиции. И, возможно, только Светлов сумеет понять, чем новая Софья отличается от той, что он знал прежде. Если вообще отличается.

Куратор с демонстративным сомнением смотрел на сотрудника аналитического отдела Северо-Западного филиала Новой Инквизиции, возмнившего себя в одночасье если уж не особым агентом, то оперативником всенепременно.

Но когда шеф аналитического отдела подписывал командировочное удостоверение, на лице его мелькнула удовлетворенная улыбка. словно Александр сделал именно то, что от него давно ждали...

Вникать в начальственные мысли Светлову не хотелось. И заниматься оперативной работой тоже... Собственно, это разовое поручение. Которое он получил лишь потому, что хорошо знает объект разработки.

Но радостное предвкушение чего-то нового и необычного имело таки место. Себя не обманешь – Светлову до смерти хотелось заняться чем-нибудь вдали от начальственного взора и письменного стола.

И опробовать на практике полученные в ходе шестимесячного обучения знания и навыки. Также вдали от начальственного взора...

3.

Подъезд обшарпанной пятиэтажки украшали железные двери. Толстые сварные листы сделали бы честь любому танку. Замок, однако, был выдран с мясом и, похоже, давно, – первые два этажа успели обжить местные тинэйджеры, склонные к употреблению изделий бытовой химии: запах в подъезде стоял кисловатый, специфический.

Стараясь дышать через раз, Светлов добрался до четвертого этажа. Наверху воздух оказался посвежее. Ненамного.

Дверь в квартиру Сони порадовала. Также металлическая – но обшита хорошим деревом, стильные ручки «под бронзу»... И замок присутствовал. Даже не один – целых три. Воров-домушников здесь опасались всерьез.

Звонок сыграл что-то из классики, глазок на миг потемнел. Затем Светлов услышал настороженный голос:

– Кто там?

– Соня, это я, Светлов! – Александр помахал рукой глазку. – Не узнала? Я вчера звонил.

Послышался звук отпираемых замков. Дверь приоткрылась, но не до конца. Цепочка. Похвальная осторожность.

– Привет! – Светлов улыбнулся, глядя в серьезные глаза.

– И в самом деле ты... – протянула девушка. Судя по тону, ее донельзя раздражали визиты самозванцев, прикидывавшихся школьными друзьями. – Подожди секунду.

Дверь закрылась снова, потом открылась окончательно.

– Заходи.

– Ну, ты даешь, Сонь. Просто швейцарский банк. Держи, – Светлов сунул хозяйке в руки коробку конфет.

– Жизнь такая. Видел, что внизу творится? Вечно в дверь ломятся – то ватки им дай, то воды. Задолбали! Проходи в комнату. Чай будешь?

– Буду.

Да, Соня Немирова на жизнь пожаловаться не могла...

Светлов отлично знал, сколько стоят стеклопакеты, паркетный пол и межкомнатные двери из натурального дерева. Сам не так давно делал ремонт, не столь роскошный, но рынок стройматериалов пришлось изучить досконально. Аренда такой квартирki тоже обойдется в весьма приличную сумму. Странно... Коли уж старая знакомая так разбогатела –

не лучше ли купить новую квартиру, чем вкладывать деньги в евроремонт съемной хрущобы?

Убранство комнаты тоже не разочаровало. Мебель явно делалась на заказ – и не из ДСП, из натурального дерева. Музыкальный центр, компьютер, телевизор (вернее, домашний кинотеатр) – всё самых последних, самых престижных моделей...

Светлов уселся на диван, хозяйка в кресло, выключив попутно огромный плоский экран в углу комнаты.

– Чай скоро будет, – сообщила она, искоса поглядывая на Светлова.

Изучает реакцию гостя на это такое благосостояние? Похоже, что так...

– Классная хата, – сказал Светлов достаточно равнодушно, словно и сам обитал в похожих апартаментах.

Лицо хозяйки несколько расслабилось.

– А твои дела как?

– Нормально. Работаю в Питере.

Где и кем он работает – Соню абсолютно не заинтересовало.

– С чего ты вдруг решил меня повидать?

– Ты знаешь... Вот приехал домой на пару дней... Хотя... ты не поверишь...

– В смысле?

Голос Сони звучал спокойно. Слишком спокойно. Или у Светлова разыгралось воображение?

– Мне сказали, что ты погибла... Понимаешь?

– Что? Светлов, ты спятил?!

– У тебя чайник вскипел. Сейчас все расскажу.

Девушка встала, окинув гостя удивленным взглядом.

Светлов проводил ее глазами. Она всегда была симпатичной. Даже красивой. Но, кажется, стала стройней, чем в пятнадцать лет... Изумительное изящество движений. Кожа словно светится изнутри, роскошная волна волос закрывает половину спины.

Соня вернулась, катя за собой небольшой сервировочный столик: чайник, чашки, конфеты Светлова, ваза с фруктами.

– Я бабуле твоей звонил... Она злится, что ты не живешь дома.

– А зачем? Мне и здесь неплохо.

– Она сказала, что ты снимаешь жилье.

– Нет. Квартира *моя*.

Хозяйка произнесла это с вызовом. Словно ожидала вопрос: откуда, мол, деньги на такие покупки? Но Светлов не стал допытываться.

– Солидно, – кратко прокомментировал он. – Не бойся, я в налоговой полиции не служу.

– Мне нечего бояться, Саша. – Она разлила чай. – Угощайся. Так что там насчет моей гибели? Кто сказал такую чушь?

«Тщательно скрываемое любопытство?» – пытался на ходу выстроить анализ Светлов. – Но почему скрываемое? Вполне

естественный интерес».

– Я в газете прочитал, – ответил он. – Случайно на глаза попалась. Позвонил бабке твоей: нет, говорит, в порядке все. Ну, я когда в город приехал – дай думаю, повидеюсь.

– Понятно, – она кивнула. – Пей, остынет.

– Как у тебя вообще дела, жизнь?

Чай оказался хорош. В меру терпкий и обжигающе горячий. Как раз такой Светлов любил.

– Все отлично, Саша. Просто замечательно, – ответила Соня без всякого энтузиазма.

– С кем их наших видишься?

– Да не с кем особо. А ты?

– И я. Жаль, правда?

Разговор пробуксовывал.

– А классом собраться никто не думал?

– Я не слышала. Вкусные конфеты, Саша.

– Классно выглядишь, Сонь, просто супер. Не узнать!

– Так уж и не узнать, – комплимент явно был приятен хозяйке. – А что Танечка твоя, подурнела?

Светлов вздохнул. Соня после восьмого класса поступила в училище. И не знала, чем закончилась его юношеская влюбленность...

– Не хочу об этом. Мы расстались. Давно.

– А... вон оно что... Что ж ты так... упустил свою любовь?

– Какая любовь? Дети мы были. Дети.

– Так ты что, мириться сюда пришел? – в голосе Сони за-

звучало раздражение и даже злорадия.

«Разговор может досрочно завершиться», – понял Светлов. А он так ничего и не узнал...

– Нет, не мириться. Зачем нам мириться – разве мы ссорились?

Он взглянул ей в глаза. Как смотрел в глаза очень многим девушкам после памятного новогоднего бала. Но сейчас Светлов *знал*, что и как он делает. Зрительный контакт – один из приемов. Но есть еще кое-что, то, что у него было раньше, и то, чему его осторожно учили... Еще кое-что, некий посыл, некое касание чужого разума. Касание мягкое и аккуратное. Не толчок. «Силой ты ничего не сможешь сделать», – говорил инструктор.

И все получается. Объект попросту не понимает, что с ним происходит. А когда не понимает – то и не сопротивляется.

Два сознания как одно. Теплая, дружеская волна.

Нет ссор, мы давно знаем друг друга. Мы друзья. Мне нечего скрывать. Так, Соня?

– Извини, Саня. Боюсь, твой визит запоздал. Лет на десять. – Былого равнодушия в ее голосе не осталось, слова звучали с напором, с вызовом. Неужели всё произошедшее тогда, в школе, – для нее до сих пор важно и серьезно?

– Ну что ты, Сонь, что ты... – забормотал Светлов смущенно.

Какая она красавица! Чуть порозовевшая от возмущения

кожа, пухлые губы, глаза темные. Зрачки людей, подвергшихся суггестии, всегда расширяются... У Сони расширились совсем чуть-чуть... Повышенная сопротивляемость организма? Или?..

– Так что с тобой случилось-то? – сменил он тему. – В газете писали, будто ты пропала без вести.

– Что за газета?

– Не помню... Значит, ничего не было? *Расскажи мне!* – Он усилил напор.

Девушка облизнула губы.

– Это... не интересно... Я в лесу заблудилась... Ты в Питере выписываешь псковские газеты?!

– В лесу? Где? – проигнорировав вопрос Сони, он сопроводил свои слова резкой посылкой: – *Расскажи!!!*

Не помогло – Светлов видел, как сужаются зрачки, взгляд становится все более и более осмысленным. Пожалуй, достаточно... Нельзя, чтобы объект заподозрил неладное.

А объект тем временем вновь сменил тон, вновь заговорив как старая школьная приятельница – всего лишь приятельница...

– Ой, да ладно тебе, Сань. Ерунда, в общем. Приехала к тетке, пошла прогуляться по лесу, ну и заблудилась.

И блуждала две недели? Ну-ну...

– Страшно, наверное? Что с тобой было в лесу? *Расскажи мне.*

Светлов сделал последнюю попытку. Без прежнего грубо-

го напора – наоборот, расслабляясь и делая шаг назад в ментальном противостоянии. Зачастую такое срabатывает. Если два барана стоят, упершись лбами на узеньком мосту, – тот, что поумнее, должен быстро шагнуть назад, тогда противник вполне может оступиться и рухнуть в пропасть... – именно такой «бараньей» аналогией иллюстрировал этот прием Светлову инструктор.

Вновь не помогло.

Стоял ли у собеседницы гипноблок, или Светлов попросту столкнулся с сознательным сопротивлением человека с сильной волей, – он так и не понял. Вроде в школе Сонечка Немирова впечатление волевой личности не производила, но всё ведь течет, всё меняется...

Умение обнаруживать у объекта следы чужого суггестивного вмешательства к числу стихийных талантов Светлова не принадлежало. Для помянутого обнаружения существуют специальные методики, доступные даже людям без задатков суггестора – но в курс обучения Александра они не входили. А зря...

– Ничего в лесу не было, – ответила Соня по завершении короткого и незримого ментального поединка.

– Ну ладно. Я рад, что у тебя все в порядке. Слушай, а где ты работаешь?

– Торгую... Кое-чем...

– Магазин, наверное, свой? – Светлов постарался улыбнуться как можно обаятельней.

– Нет, аптека, – равнодушно ответила она и встала.

Намек был более чем прозрачен.

Ладно, раз так. Глупо, конечно, но правила есть правила.

Светлов достал ручку-тестер.

– Да ты что? – с фальшивым энтузиазмом воскликнул он. – Как удачно! А у меня один приятель фармацевтикой торгует. Хочешь, я вас сведу?

Софья пожала плечами.

– У меня свои поставщики.

– Да ладно тебе, Сонька. Запиши координаты своей конторы, вдруг пригодится. Лист бумаги есть? Комиссионные мои, идет?

Девушка машинально взяла предложенную ручку. Повертела в руках, потом вернула Светлову.

– У тебя есть мой рабочий телефон. Захочешь – звони.

Его просто-напросто выпроваживали из квартиры. Это было очевидно. Светлов не стал упираться, но сделал шаг вперед, намериваясь обнять хозяйку на прощание. Возможно, она позволит поцеловать себя, хотя бы целомудренно, в щечку? Но девушка отстранилась.

Ладонь Светлова скользнула по гладкой, чуть прохладной коже обнаженного плеча.

Сейфовая дверь мягко закрылась за его спиной.

Н-да... Похоже, вы сделали не лучший ход, господин суб-аналитик...

На улице он достал из ручки тест-полоску. Индикатор не

изменил цвета. Это означало, что Софья не принадлежала к объектам, интересующим Контору.

Или то, что приборчик слишком мало пробыл в ее руках.

Комплексный тест Семаго-Ружича реагировал в данном случае на потожировые выделения. Но для проведения такой проверки выделения должны быть хотя бы в минимальном количестве. Соня только повертела в руках ручку, плотного кожного контакта не было.

На обратном пути Светлов продолжал анализировать встречу.

Как, интересно, Соне Немировой удалось так быстро раскрутить бизнес? И почему она прервала разговор? Людям обычно свойственно рассказывать, как они пришли к жизненному успеху... Почувствовала внушение? Как, каким образом? Вопросы, вопросы... Что он вообще знает о ней? Что произошло в лесу? Ведь было же что-то... И почему не сработала попытка суггестии? Все-таки зря его не научили умению определять следы чужого внушения...

Ничего, еще научат. Заодно умению налагать сложные гипнограммы научат – и многоуровневые, и самоактивизирующиеся, и самостирающиеся, и...

Программирование креатур ему тоже предстоит освоить – созданных суггестором псевдо-личностей, тихо и незаметно сидящих в мозгу ничего не подозревающего человека, а по кодовой команде включающихся и перехватывающих управление телом...

Но это дело будущего – а в настоящем придется произвести проверку на каком-нибудь нейтральном объекте. Повторить те же *посылки*, что разбились о невидимую броню Со-нечки и сравнить результаты. Благо, теперь есть с чьей помощью провести работу над ошибками, прошли времена, когда он вслепую, ощупью пытался найти применение своему дару убеждать людей...

Сейчас стоит отправиться домой, – вернее сказать, в квартиру матери. Хорошенько продумать формулировки и отправить рапорт начальству при помощи портативного компьютера. Неплохую, кстати, игрушку ему выдали перед заданием – Светлов знал, что оперативники ласково называют их «персиками».

Интересно, что за тетка, у которой Софья якобы гостила? Хотя почему якобы? Может быть, как раз и гостила...

Вот только про ее тетушек он ни разу не слышал за все годы знакомства...

4.

Квартира пустовала, мать, как и все последние годы после выхода на пенсию, проводила лето у сестры, под Мелитополем. Маришка же болталась непонятно где, мобильник ее не отзывался... Вообще-то Светлов догадывался, где, чем и с кем она занимается. Намекала в последнем разговоре, что новый ее шеф – мужчина весьма интересный, и всё у них

складывается совсем иначе, чем в анекдотах про директоров и секретарш... Н-да, если женщина в тридцать два питает такие иллюзии, ничем уже не поможешь...

Хотя, хотя... Помочь как раз можно – нанести дружеский визит ее шефу и потолковать, используя все полученные в последние месяцы навыки и умения. Светлов удивился – мысль, поначалу несерьезная, неожиданно захватила, он начал уже прикидывать оптимальную гипнограмму, способную подвигнуть бизнесмена к разводу и новому браку.

Чтобы отвязаться от дурной идеи, Светлов распаковал персик, завалился на диван. Персик отлично устроился на его животе. Именно в такой расслабленный позе отстучал рапорт – благо значимой информации оказалось немного: объект на контакт идти не желает и к тому же обладает не то врожденной, не то приобретенной сопротивляемостью к суггестии.

Теперь посмотрим, не порадовало ли начальство новыми сообщениями суб-аналитика Светлова.

Порадовало...

Новостей хватало. Во-первых, зафиксирована пропажа еще одной девушки – Сальцевой Татьяны, девятнадцати лет от роду. Ушла из дома и не вернулась. Последний раз пропавшую видели в районе поселка Сукотино. Проживала она в Насве...

Александр отметил новую точку на своей карте, файл с которой перенес в персик еще в Конторе.

Новость номер два оказалась интереснее – видеозапись разговора с очередной найденной дамой. Вернее сказать, запись допроса...

Пропала Валентина Ляховская одиннадцатого июня, в пятницу. Как сообщили родственники, просто не вернулась с работы... Розыскное дело возбуждено пятнадцатого июня. На удивление быстро, наверняка Контора нажала на кое-какие кнопки. Обычно милиция не торопится, до последнего пытаясь убедить родных, что молодым девушкам свойственно порой исчезать из виду без какой-либо криминальной подоплеки.

Обнаружилась Валентина сегодня. Утром изумленные жители села с изумительным названием Благодать узрели абсолютно нагую девушку, походкой сомнамбулы бредущую по центральной улице. Никаких видимых повреждений на теле не оказалось. Полная амнезия, дезориентация в пространстве и времени.

Спустя три часа в Благодать прибыли сотрудники Конторы и забрали девушку, крепким сном спящую в местном фельдшерском пункте.

Светлов побарабанил пальцами по экрану персика. Интересно, сколько агентов влияния у Новой Инквизиции? Откуда такая оперативность?

Ладно, посмотрим видеозапись разговора. Или, что ближе к реальности, ту ее часть, что посчитали нужным ему отправить.

На экране возникла небольшая комната. На стуле в центре сидела девушка в футболке – без сомнения, принадлежавшей не так давно плечистому мужчине. Иные детали туалета отсутствовали. Впрочем, футболка вполне могла сойти за мини-платье.

Внизу экрана мигнула надпись. Время начала допроса: 29.06.1999 года 13:15.

– Как вас зовут? – спрашивающего не видно. Камера установлена так, что он не попадает в объектив.

Девушка хмурится, смотрит исподлобья.

– Не помню... Хотя нет... Помню... Валентина.

Реакции заторможены, паузы между словами чересчур велики.

– Просто Валентина?

– Нет... Не просто... Валентина Петровна.

– Фамилию помните?

– Ляховская. Валентина Петровна Ляховская.

– Возраст?

Девушка смотрит на спрашивающего с неприязнью.

– Сколько вам лет, Валентина?

– Вы кто?

– Я работаю в милиции. Вас разыскивали. Сколько вам лет?

Глаза Валентины оббегают комнату. Смотреть особо не на что. Окон нет. Стены декорированы светлым пластиком.

– Не похоже на милицию... Где я? Это больница?

Да, определенно девушка приходит в себя.

– Я все объясню, но позже. Давайте пока поговорим. Так вы можете назвать свой возраст?

– Двадцать один год.

– Где живете, помните?

– Да.

Звучит почти с вызовом.

– И где же?

– А вам зачем?

– Чтобы помочь вам добраться до дома.

Голос человека ведущего беседу приятен, доброжелателен. Но Светлову он не понравился. Слишком приятен. Слишком доброжелателен...

– Сама доеду.

– А деньги? У вас есть деньги?

– Где я?

– Это лечебное учреждение. Недолго побеседуем, а затем мы поможем вам добраться до дома. Ничего больше. Вы напрасно меня боитесь.

– Я не боюсь.

– Так где вы живете?

– Дно, Псковская область.

– Вы хотите, чтобы мы позвонили кому-нибудь?

– Нет.

– Почему?

– А зачем? Мне никто не может помочь.

– В какой помощи вы нуждаетесь?

Голос спрашивающего все так же доброжелателен. И тон искренен. Валентина немного расслабляется. Руки, теребившие подол футболки, оставляют ткань в покое, она улыбается:

– Никакая. Теперь – никакая.

– А раньше была нужна?

– Раньше была, – она смеется. – А сейчас нет. Никакая помощь мне не нужна.

– Хотите воды?

Девушка уже хохочет.

Пауза.

Через секунду мелькает запись: Продолжение допроса:
29.06.1999 года 14:37.

– Продолжим? Вам лучше?

Девушка массирует плечо. Ей явно только что сделали инъекцию...

– Я могу с вами поговорить?

– Можете. А про чего говорить-то?

– Что с вами произошло?

– Когда?

– Не когда, а где, Валентина. В лесу. Вы вышли из леса.

Сегодня утром. Помните?

– Нет.

– На вас не было одежды. Это помните?

– Нет.

– Вы уверены? – голос мужчины теряет толику своей доброжелательности. Пока лишь толику...

– Сколько времени вы были в лесу?

– Не помню.

– Вы числились пропавшей почти две недели. Это вас не смущает?

– Нет.

– Что вы ели?

– Не помню. Неважно...

– Мне кажется, вы что-то скрываете. Вам неловко об этом говорить?

Валентина смотрит на собеседника в упор.

– Со мной все в порядке.

– Вы не хотите пройти полное медицинское обследование?

– Нет.

– Почему?

– Я хорошо себя чувствую.

– Это не так, Валентина. Посудите сами: вы не помните, где были и что делали несколько недель.

– Я хочу домой.

– Мы отправим вас домой, не беспокойтесь.

– Когда?

– Когда закончим разговор. Понимаете?

– Мне нечего вам сказать.

Глаза Валентины растерянно заметались – взгляд на ка-

меру, на допрашивающего, снова на камеру. В этот момент Светлову показалось, что девушка смотрит не в объектив, а сквозь него, и сквозь экран персика – прямо на Светлова. Смотрит и ждет помощи...

– Давайте продолжим, – голос мужчины спокоен и настойчив. – Вы чего-то боитесь?

– Нет. Теперь – нет.

– Теперь – нет, – повторяет собеседник Валентины с некоторым удовлетворением, словно выяснил нечто важное для себя. – Вы боялись чего-нибудь раньше?

– Все чего-то бояться. Я устала.

– Мы можем прерваться.

– Я хочу домой.

– Валя... Вы серьезно надеетесь добраться до дому – без денег, документов и практически без одежды? Боюсь, очень скоро вы окажетесь в милиции, а затем снова у нас... Мне нужна информация. Понимаете? Как только вы мне расскажете, что было с вами в лесу, – я лично отвезу вас домой.

Согласны?

– Я ничего не помню... И зачем вам все это?

– Вы не первая такая... найденная. Нашедшаяся. Разве вы не хотите помочь другим девушкам?

– Помочь? – голос Валентины звучит с непонятным нажимом. Возможно, с насмешкой. – Чем?

– Хорошо. Сделаем так. Сейчас у вас возьмут анализы, осмотрит врач... Если все в порядке – то завтра утром я по-

могу вам добраться до дома. А вы пока отдохните, умойтесь. Одежду вам подберем. Согласны?

Девушка смотрит на невидимого собеседника с подозрением, потом небрежным жестом откидывает волосы назад. Кажется, она согласна. И даже испытывает облегчение. Улыбается. Это улыбка так преобразует ее лицо? Исчезают темные круги под глазами, кожа розовеет, губы наливаются свежей силой.

Пауза. Экран вспыхнул заставкой Конторы

Понятно, стандартные медицинские процедуры видеозаписи не требуют. Экспресс-тест ей наверняка провели раньше, но полное обследование занимает некоторое время.

Вот и результаты анализов – увы, в строчках и цифрах, замелькавших на экране, Светлов ничего ценного для себя уяснить не смог.

А заключение врача о результатах осмотра, написанное доступным языком, на экране так и не появилось. Отчего-то Светлова ознакомить с ним не посчитали нужным. Не оказалось ничего, достойного внимания? Или?..

Вновь на экране появились цифры – повторный допрос состоялся спустя три часа. Светлов нажал клавишу, остановил воспроизведение записи. Попробуем просчитать, что будет дальше...

«В медицинском центре Конторы ее разговорят, – размышлял он. – Не мытьем так катаньем, не «правдорезом», так суггестией... И ясно будет, где она была, что делала. И

что делали с ней... И кто...»

Светлов лег на спину и закинул руки за голову.

Дважды Валентина обмолвилась, что до визита в лес имела кое-какие проблемы в жизни. Софья тоже сказала, что *сейчас* у нее все замечательно. А что было раньше? Почему он не уточнил? Хоть какая-то информация. Не обратил внимания? А ведь хорошая идея! Необходимо собрать сведения о жизни жертв до этих их исчезновений-появлений.

Хм. Дело разрастается прямо на глазах.

Рассказала она что-нибудь про лес? Может быть, ему позволят поговорить с Валентиной? Использовать суггестию?

Хотя сегодняшний опыт назвать удачным нельзя...

Ладно, посмотрим продолжение допроса.

Комната та же. И девушка та же. В кадре появился человек в белом халате, и Светлов сразу узнал его. Мельник! Именно такой псевдоним носил человек, полгода учивший новобранца Конторы основам суггестии. И не только основам...

Значит, по какой-то причине «правдорез» применить не сочли возможным. Сразу пустили в ход тяжелую артиллерию – пожалуй, самого сильного суггестора СЗФ. Светлов пристально вглядывался в экран, убавив звук до минимума.

Девушка сидела на стуле, в расслабленной позе, с отрешенностью во взгляде.

– Вы слышите меня?

Легкий кивок.

– Вы расскажите о том, что произошло в лесу?

Девушка качает головой.

– *Я прошу вас мне рассказать.*

На самом деле звучит уже не просьба – приказ. Причем сильный.

Реакции нет.

– *Вы должны рассказать.*

Глаза у Валентины темные, и съемка ведется из точки, находящейся от лица достаточно далеко – не понять, поддается она внушению или нет.

Похоже, что нет.

Мельник повторяет вопрос, раз за разом, в разных вариантах, но Валентина либо молчит, либо качает головой, либо улыбается.

На тренингах Мельнику обычно удавалось подчинять Светлова минут за пять – прекрасно знал, как обходить и сокрушать любую ментальную защиту... Александр отогнал унижительные воспоминания.

Валентина внезапно издала невнятный крик, вскочила с кресла и кинулась к собеседнику. Не прекращая воплей, яростно замолотила его кулаками – казалось, не обращая внимания, куда попадают удары. Не ожидавший нападения Мельник лишь закрывался. В комнату вбежало еще двое. Втроем им кое-как удалось справиться с разбушевавшейся девицей – с трудом заломили руки назад, прижали лицом к полу.

Валентина продолжала кричать, уже несколько более

осмысленно:

– Суки-и-и!! Отпустите-е-е! Козлы!!! Ненавижу!

Оставив девушку на попечение коллег, Мельник вышел из комнаты, затем вернулся со шприцом в руках.

Камера бесстрастно фиксировала происходящее.

Заметного действия укол на девушку не произвел. Она еще яростней стала вырываться из рук державших ее людей, поливая их бранью.

Мельник снова вышел. Вернулся он спустя минут пять. Не один, а с неизвестным Светлову человеком, тоже одетым в белый халат.

И запись оборвалась – совершенно неожиданно.

Заставка.

Текстовое дополнение: «Применение психосуггестивных методов допроса (оператор Мельник) позитивных результатов не принесло. Коэффициент ментального сопротивления превышает семь единиц по шкале Барченко. Объект агрессивен, на введение прометазина реакция не выражена. Принято решение использовать миостагнатор, что привело к летальному исходу».

Светлов сел на кровати, чувствуя, как кровь прилила к щекам. Что же получается? Выходит, они ее замучили... Ее красивое, холодное лицо – теперь лицо трупа. Что она сделала плохого? Почему она? А если бы на ее месте была Соня? Или те девочки-школьницы? При введении обычному человеку миостагнатора практически гарантирован леталь-

ный исход, препарат парализует сердечную мышцу...

Что это означает? Зачем они это сделали?

Единственный возможный ответ: в Валентине увидели *не* человека.

Нелюдь? Но почему? Седативные препараты иногда могут дать противоположный эффект, и вместо сна наступает моторное возбуждение, которое можно принять за проявление нечеловеческой силы...

Светлов отключил персик.

Ты знал, на что шел... Никто ее не мучил. Это всего лишь несчастный случай... Все нельзя предусмотреть. Индивидуальную непереносимость того же прометазина, например... Ты же не врач, кто его знает, что там приключилось на самом деле... Но все же, все же, если бы Контора не заинтересовалась этим делом – Валентина осталась бы жива. Ехала сейчас бы в поезде домой в Дно, или где она там жила...

Дела минувших дней – II Коемуждо по делам его...

Церковная инквизиция на Руси и в России никогда не отличалась ненужной и публичной жестокостью – хотя и была не раз в том попрекаема.

Лишь один пример: ересь жидовствующих (или, как стали ее называть ее политкорректные граждане несколько веков спустя – новгородско-московская ересь). Крупнейшая ересь 15-16 веков, давшая обильные ростки и побеги, во многом предопределившая главную беду века грядущего – Раскол.

Число же попавших на костер еретиков смехотворно мало: в Новгороде архиепископ Геннадий – главный инквизитор тех лет – приговорил к огненной казни двоих: архимандрита Кассиана и Некраса Рукавова (у последнего перед казнью был вырван раскаленными щипцами язык). В Москве сгорели еще трое: Иван-Волк Курицын, Дмитрий Коноплев, Иван Максимов. И всё! Всего пять аутодафе – на прочих покаявшихся жидовствующих налагали епитимьи, упорствующих снимали с церковных и государственных должностей, самых отпетых заключали в тюрьмы. Инквизиции католических стран сжигали в аналогичных случаях тысячами...

Но мягкость Русской инквизиции не означала мягкотелости. Работа шла на результат, а не на публику, привлекаемую на площади зрелищем корчившихся в огне осужденных

еретиков и чернокнижников. Кстати говоря, сжигали на Руси всегда в срубе – и любители жутких зрелищ мук казненного разглядеть не могли. В результате, уступая той же испанской инквизиции числом аутодафе на два порядка (десятки казней против тысяч) – инквизиция православная добилась аналогичного результата: ни одной религиозной войны в российской истории не зафиксировано.

Впрочем, справедливости ради надо признать, что церковные тюрьмы, куда попадали избегнувшие костра, гуманизмом к заключенным не страдали. Некоторые (тюрьма Соловецкого монастыря, тюрьма Спасо-Ефимьевского монастыря) приобрели особо печальную известность благодаря материалам, просочившимся в печать во времена тех или иных «оттепелей». Но узилища существовали при каждом из сотен православных монастырей – и пустовали крайне редко. Сроки заключения в приговорах не указывались – «впредь до раскаяния и исправления» – некоторые живучие узники умудрялись отсидеть по пятнадцать, а то и по двадцать лет...

Случаи такого долгожительства имели место лишь в «каменных острогах». В заслужившие жуткую славу монастырские «земляные остроги» сажали на несколько месяцев – и узник выходил оттуда инвалидом; сажали на год-два – не выходил никогда...

Исследователь 19 века свидетельствовал:

«Земляные тюрьмы представляли собой вырытые в земле ямы в три аршина глубины; края у них были обложены кир-

пичом; крыша состояла из досок, на которые была насыпана земля. В крыше находилось небольшое отверстие, закрываемое дверью... Для спанья пол устилался соломой. Для естественной нужды подавались особые судна, которые подымались и очищались раз в сутки. <...> В этот темный, сырой погреб, вырытый в земле, опускали живого человека, часто скованного по рукам и ногам. В подобных тюрьмах во множестве водились крысы, которые нередко нападали на беззащитного узника; были случаи, когда крысы объедали нос и уши у сидевших в подземной тюрьме “преступников”. Давать им что-либо для защиты от этих мелких хищников строго запрещалось. Виновные в нарушении этого правила наказывались чрезвычайно сурово. Так, например, караульщик за то только, что он дал находившемуся в Соловецкой земляной тюрьме “вору и бунтовщику Ивашке Салтыкову” палку для обороны от крыс, был за такую поблажку бит нещадно плетьюми»¹.

Существовали при монастырских тюрьмах и пыточные камеры со всей необходимой оснасткой... Известен характерный случай: Иоанн IV Грозный одобрил предложенный на высочайшее утверждение проект строительства каменного Соловецкого монастыря (прежний, деревянный, сгорел) – лишь при условии увеличения посадочных мест в «земляном остроге» и строительства при нем «избы пытошной»...

---

¹ А.С. Пругавин “Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством”, М., тип. тов-ва И.И.Кушнерев, 1905 г.

Спасо-Ефимьевский монастырь был знаменит не только своей подземной тюрьмой. Именно в нем с 1836 года хранились архивы Десятого присутствия Святейшего Синода – за-секреченного подразделения, отпочковавшегося в том году от Канцелярии розыскных раскольнических дел Синода.

До декабря 1917 года в монастырские хранилища исправно поступали папки с самыми различными делами: материалы по розыску ересиархов и мистиков, практикующих крайне опасные, порой кровавые ритуалы, соседствовали с историями людей, облыжно и нелепо обвиненных кликушами в богопротивных и колдовских делах². . . Зачастую попадались и дела заведомых сумасшедших, чей бред имел религиозную окраску и был признан опасным для православной церкви.

В самом начале 1918 года в обитель заявился отряд матросов, шумных, пьяных, – черная форма переkreщена пуле-метными лентами, винтовки с примкнутыми штыками, красные ленточки на бескозырках, ручные бомбы у пояса.

---

² Эпидемия кликушества – публичных обвинения в чародействе, колдовстве, сношениях с дьяволом и т.д. – достигла к началу 18 века небывалого размаха. Жертвы якобы колдовских экзерсисов, корчась в припадке (зачастую изображая его) называли имя чародея, сгубившего их, и ничего хорошего обвиненного не ожидало. . . Легкий способ сведения счетов вошел в такую моду, что в 1715 году Петр Первый издал указ, предписывающий арестовывать всех кликуш и самыми жесткими методами выявлять среди них притворщиков.

Монастырь затих в тревожном ожидании. Сокровища ризницы и самые ценные иконы были надежно припрятаны, но ожидать можно было всего... Однако незваные гости заинтересовались тем, что никто и не думал прятать – старыми бумагами. Пожелтевшие папки паковали в брезентовые тюки, грузили на монастырские подводы – тех не хватало, матросики быстренько реквизируют в окрестных деревнях подвернувшийся под руку гужевой транспорт.

Командовавший матросами человек выглядел на их фоне более чем нелепо: невысокий, худощавый, в элегантнейшем «буржуйском» костюме под бобровой шубой, в бобровой же шапке и с тростью. Оружия человек не носил, по крайней мере на виду.

Настоятелю лицо странного командира показалось смутно знакомым. Но ни имя, ни обстоятельства встречи отец Елиозар так и не сумел вспомнить, пораженный внезапным беспомощством...

И потом, спустя полтора года, на допросе в ЧК, – поведал следователям, весьма интересующимся личностью статского советника Буланского, о своих встречах с Богданом Савельевичем в Синоде, и о его визитах в обитель. Но о последнем приезде, состоявшемся в морозном январе восемнадцатого, напрочь позабыл.

Папка, лежавшая на столе Богдана Буланского в сентябре 1927 года, поступила на хранение в Спасо-Ефимьевский архив одной из последних. И содержала документы о деле, по видимости малозначительном, не представляющем никакого интереса сейчас, десять лет спустя. Расследование касалось религиозного помешательства матроса Черноморского флота Прохора Цигулина (в двух документах дела он именовался отчего-то Цегулиным).

Суть дела была проста: Цигулин, поднявшийся из кубрика на палубу глубокой ночью с 5 на 6 октября, узрел не кого-нибудь, а шествующую в направлении бака Богородицу. По какой-то надобности оказался в неурочное время и в неурочном месте полуодетый матрос, выяснить так и не удалось. Потрясенный увиденным, Цигулин ни о чем ином говорить не желал, упорно игнорируя все не относящиеся к делу вопросы.

Утром, вскоре после шестичасовой побудки, Цигулина обнаружили стоящим на четвереньках и иступленно целующим палубу. Покинуть место, ставшее святым после прикосновения стоп Богородицы, моряк наотрез отказался – был насильно доставлен в судовой лазарет, а спустя три часа – паровым катером в гарнизонный госпиталь.

Резолюция без подписи, начертанная на подшитом в де-

ло рапорте капитан-лейтенанта Вязовского о происшествии, гласила: «По излечении подвергнуть дисциплинарному наказанию, ибо Уставом военно-морской службы предписано поднять тревогу при обнаружении на корабле посторонних, будь то хоть сама Богородица».

Но Цигулин так и не излечился... Напротив, бред усиливался, в рассказе появлялись все новые детали, явно досочиненные позже. Из первоначальных же слов матроса следовало немного: лик у Богородицы был невыразимо прекрасен, кожа светилась словно бы собственным светом, волосы, казалось, парили в воздухе невесомо...

Но главная деталь рассказа – никогда не позволившая бы бедолаге перейти из разряда помешанных в категорию узревших-таки чудо – оказалась чрезвычайно пикантной: Богородица шла по палубе обнаженной! Совершенно голой! Ни единой ниточки!

Цигулин умер от мозговой горячки в конце января 1917 года. Банальная история банального сумасшествия...

Интерес Буланского вызывало лишь одно – место службы несчастного матроса. Служил он на флагмане черноморского флота – на линкоре «Императрица Мария».

Спустя сутки после обнаружения лобзающего палубу Цигулина линкор был уничтожен серией страшных взрывов, унесших жизни нескольких сотен матросов и офицеров. Причину взрывов следственная комиссия так и не установила.

Глава 7. ПУТЬ МЕСТИ – I

Ирина, г. Великие Луки, 30 июня 1999 года

1.

Ира проснулась на рассвете. Она привыкла к ранним подъемам за последние шесть месяцев. Встала, прошлепала босыми ногами по прохладному полу, направляясь в ванну.

Дверь в теткину комнату плотно прикрыта, но Ира все равно старалась не шуметь в коридоре. Поезд уходит сегодня ночью. Впереди целый день, чтобы не торопясь собраться и ничего не забыть. У нее есть дело, которое она должна сделать. И она выполнит то, что задумала. Когда вернется. Главное, чтобы ее не обманули. Чтобы дали то, что обещают. А уж она сумеет распорядиться подарком достойно.

Теплые струи воды ударили из душа, и она замерла, наслаждаясь каждой секундой. Многие вещи изменились. Казалось бы, что удивительного в том, что она набирает в ладонь шампунь, потом втирает в коротко стриженные волосы остро пахнущую цветами жидкость? Роскошь, бывшая ей недоступной почти полгода.

Вода смывала пену с ее тела. Она должна смыть все. Долж-

на. Но не смывает. Вода может смыть грязь с кожи, но ведь есть еще душа. Кто или что смоем грязь с нее?

Ирина протерла запотевшее зеркало. На нее смотрело чужое лицо. Худое, хотя она уже успела поправиться на четыре килограмма, с бледной кожей. Загар словно перестал при­ставать к ней. Загар – для живых, а она не жила последние полгода. Она выживала... Глаза смотрят из зеркала чужие, безжалостные. Не ее.

Сможет ли измениться ее взгляд? Сможет ожить душа?

Сможет. Она точно знала. Сможет. Когда она сделает то, что задумала. Когда отомстит. Тем, кто унижал и топтал ее шесть долгих месяцев.

2.

День, когда прежняя Ира Величко навсегда исчезла, ничем не отличался от других.

Лекции, семинары – второй курс факультета дошкольно­го воспитания. Кажется, после занятий они сходили в кино. На какой фильм – Ира потом вспомнить не могла. Хотя старалась. Одно время ей казалось, что если она вспомнит, что смотрела в тот вечер – будет легче.

Возвращалась домой одна, зимой темнело рано... Шла безбоязненно, время детское, девять вечера...

Тень, отделившаяся от стены, ее не испугала. Мало ли кто выходит из парадной? Знакомая улица, знакомые дома.

Крепкие руки ухватили ее за плечи и буквально зашвырнули в неосвещенный подъезд – и она поняла, что попала в беду. «Шапку сорвут!» – мелькнула мысль. Но мужчину интересовала не шапка. Когда грубые ладони зашарили по ее телу, а она вдохнула чужой запах: острый, неприятный, – пришел ужас.

Нападавший, наверное, не ожидал такого бешеного сопротивления...

Что она орала ему в лицо? Несколько человек потом добросовестно показали, что слова «козел», «мудак» и «пидор» оказались самыми цензурными.

Ирина сама не предполагала, что сможет так ругаться. И драться насмерть со здоровенным мужиком, сдиравшим с нее одежду.

Драка, впрочем, не затянулась. Ира успела пару раз пройтись ногтями по лицу насильника – тут же получила удар в живот, заставивший скорчиться, согнуться. Куртки на ней уже не было, мужчина пытался разорвать свитер, ничего не получалось, шерстяные нити растягивались, но не рвались... Тогда он начал стягивать свитер через ее голову – и в этот момент Ирина вцепилась в чужую ладонь зубами.

Тут же получила удар по лицу, еще один... Затем ей заломили руку, закрутили за спину, она не удержалась на ногах, упала, впечатавшись лицом в бетонный пол. Насильник навалился сверху. Боль в заломленной руке была дикой, нестерпимой – такой, что Ира почти не почувствовала, как

кулак бил по ее ребрам – раз, второй, третий...

Почему же никто не выйдет на шум? Не спасет ее от кошмара?

Жильцы, как выяснилось впоследствии, всё слышали. Но двери своих квартир не открыли... И только *один* человек набрал номер милиции.

В какой-то момент она решила прекратить сопротивление – тем более что возможностей для него не осталось. На любую попытку пошевелиться или закричать мужик выворачивал руку чуть сильнее. Совсем чуть-чуть, но этого хватало, чтобы не кричать и не дергаться...

Слабый свет сочился с площадки второго этажа, Ирина могла разглядеть валяющуюся у самого лица шкурку банана – потемневшую, подгнившую. Она вдыхала гнилостный запах, она сосредоточилась на этой шкурке, словно ничего иного в мире не осталось – ничего нет, и нет руки, содравшей с нее джинсы и грубо вторгшейся в промежность. Всё кончится, всё так или иначе кончится...

Потом она все-таки не удержалась от крика. Мужчина никак не мог возбудиться в нужной степени – и повернул ее набок, одним и тем же движением содрал и бюстгальтер, и обрывки блузки, затем грубо вцепился в грудь, стиснул двумя пальцами сосок, с доворотом, очень сильно, очень больно...

Она заорала.

Казалось, истошный вопль вырвется из подъезда, и разнесется над всей улицей, и над всем городом... И помощь

придет.

Помощь к ней не пришла. Кое-что пришло к насильнику. Долгожданная эрекция...

Ира не была девственницей и даже не чуралась анального секса – но сейчас показалось, что сзади в нее вошел напильник – жесткий, грубый, вспарывающий плоть... И добе-ла раскаленный. Она закричала снова.

А чуть позже произошло странное... Боль никуда не исчезла, стала сильнее, – но одновременно с ней Ирина начала чувствовать возбуждение. Да что там говорить – просто-напросто удовольствие. Извращенное удовольствие – густо замешанное на боли, страхе, отвращении и ненависти... Она уже не кричала – негромко вскрикивала в такт толчкам муж-чины.

Похоже, он понял, что с ней происходит. Прохрипел что-то одобрительное, отпустил ее руку, перевернул на спину, раздвинул коленями ноги... Вошел спереди так же грубо и больно. Огненный ком болезненного наслаждения разрас-тался внутри Ирины, и готовился взорваться ослепительной вспышкой, но тут...

Но тут насильник издал блаженный стон и прекратил дви-жения. Расслабился, навалился на нее всей тяжестью, потя-нулся губами к губам...

Она вцепилась в его нос зубами и изо всех сил стиснула челюсти. Струя горячей крови хлынула в рот. Мужчина от-дернулся с диким воплем. Отдернулся, оставив в ее зубах

кусочек своей плоти.

Того, что случилось дальше, Ирина вспомнить не могла... Может быть, он снова бил ее, или катался по полу, обезумев от дикой боли, или милиция в тот момент уже входила в подъезд... Нет, нет, вроде бы милиция приехала позже...

Ира не помнила. Все перекрыло ощущение бесподобного, феерического оргазма.

Потом она как-то оказалась наверху – на третьем этаже? на четвертом? – полуголая, окровавленная, колотила в одну дверь, в другую, оставляя кровавые следы кулаков. Потом оплыла на пол, бессильно прислонилась к косяку, закрыла глаза. Почти всё, кошмар почти закончился, осталось потерпеть совсем немного...

Кошмар не закончился. Кошмар входил в новую стадию. Потому что послышался топот и чей-то голос яростно и ликующе проорал:

– Вот она, сучка!!!

Ирина подняла веки.

Это о ней? О НЕЙ?

Конечно, вид у нее тот еще: почти голая, в крови, в сперме... и в блевотине – в своей, в чужой? – не понять, не вспомнить... Но она ведь ни в чем не виновата! Почему ей надевают наручники?

Надо просто объяснить, что на нее напали, тот, здоровый тип, который орет, лишь сейчас Ира разглядела его при свете...

На самом деле кричал, тыкая в нее обличающим жестом, вовсе не насильник – один из здешних жильцов-доброхотов. Нападавший к тому моменту потерял сознание от болевого шока и кровопотери.

Но Ирина не смогла возвести напраслину на мирного обывателя. Вообще не смогла ничего сказать, из глотки вырывались рыдания – то громкие, истеричные, то переходящие в тихое всхлипывание...

Ира рыдала, когда ее вели вниз под любопытными взглядами жильцов, наконец-таки выползших из-за своих бронированных дверей... Рыдала, когда ее запихнули в задний, зарешеченный отсек милицейского «уазика»... Рыдала всю дорогу... Рыдала в отделении милиции, сидя на жесткой лавке «обезьянника» – так и не смогла ничего произнести, даже своего имени...

Дар речи вернулся спустя двое суток, и первой собеседницей Ирины стала пьяная в стельку бомжиха, норовившая назвать ее дочкой и отчего-то Лизанькой...

3.

Ира выключила воду и вылезла из ванны, чувствуя, что ее всю трясет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.